

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова
Международная ассоциация исследователей Золотой Орды

Золотоордынское наследие

Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения
средневекового татарского поэта Сейфа Сарай

Выпуск 4

Казань – 2021

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates
International Association of Researchers of the Golden Horde

Golden Horde Legacy

The collection of articles dedicated to the 700th anniversary
of the birth of the medieval Tatar poet, Seif Sarai

Issue 4

Kazan – 2021

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)
3-80

*Издание осуществлено в рамках
Республиканского плана основных мероприятий
по проведению в 2021 году в Республике Татарстан
Года родных языков и народного единства*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Научный редактор издания
И.М. Миргалеев

Ответственный редактор
Э.Г. Сайфетдинова

Редактор английских текстов
Роман Хаутала

Редакционная коллегия:

Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Х.Ю. Миннегулов, М.Г. Крамаровский,
Э.Г. Сайфетдинова, Роман Хаутала, А.В. Аксанов

3-80 ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сарай. Выпуск 4. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. – 340 с., 12 с. ил.

GOLDEN HORDE LEGACY: The collection of articles dedicated to the 700th anniversary of the birth of the medieval Tatar poet, Seif Sarai. Issue 4. – Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2021. – 340 p., 12 p. with illustrations.

ISBN 978-5-94981-000-4

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)

© Авторы, 2021
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Миргалеев И.М. Слово редактора	7
---	---

Наследие Сейфа Сараи

Миннегулов Х.Ю. Литературное наследие Сейфа Сараи (по случаю 700-летия со дня рождения поэта)	8
Сайфетдинова Э.Г. Мамлюк или вольный поэт? К вопросу о судьбе Сейфа Сараи и его окружения в Египте	22

В глубь веков: венгры, болгары

Дьёни Г. Волго-Уральский регион: колыбель мадьярской государственности?	28
Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Археологические признаки культуры древних венгров на Урале: реальные и мнимые	35
Руденко К.А. К вопросу о западных пределах распространения материалов кушнаренковской культуры в VII–VIII вв. н.э.	43
Круглов Е.В. Угро-мадьяры в степях между землей Дентумогер и областью Ателькузу	50
Хаутала Р. Монгольское завоевание восточных мадьяр по письменным источникам	74
Николов А. «Новоявленный народ»: Болгары и Византия до основания Дунайской Болгарии в 681 г.	92

Мир Золотой Орды

Миргалеев И.М. К вопросу о парадигме власти в Золотой Орде в тюрко-татарских исторических сочинениях	101
Мөхәммәтжанова Л.Х. Урта гасыр язма чыганакладында теркәлгән татар эпик истәлекләре (Татарские эпические памятники, зафиксированные в средневековых письменных источниках)	106
Давлетшин Г.М. Отражение письменной культуры Золотой Орды в археологических материалах (письменные принадлежности, украшения, посуда, светильники)	111
Зайнуddинов Д.Р. Наджму ад-дин ал-Кубра (ум. 618 / 1221) в средневековых историко- биографических источниках	123
Тимохин Д.М. Употребление понятий «татары» и «монголы» в мусульманских источниках XIII в. при описании завоевания Хорезма Чингиз-ханом	129
Нарожный Е.И. События 1230–1240-х годов на Северном Кавказе и о «потерянном» Магасе	141
Почекаев Р.Ю. Правосудие далекого покровителя, или как золотоордынский правитель Бату решал проблемы Сельджукского султаната	154
Крамаровский М.Г. Серебро Анатолии в Золотой Орде и «сельджукский феномен»	161
Голев К. Убить Чингизида: евразийские кочевые традиции в политическом инструментарии царя Теодора Светослава (1300–1322)	179
Хайдаров Т.Ф. Роль ордынско-русской политики и крупных эпидемических вспышек чумы в истории татар	190

Илюшин Б.А. Отношения между Золотой Ордой и великим княжеством Нижегородско-Суздальским (1341–1392): историографический аспект	227
Савоста Р.Ю., Рева Р.Ю., Леонов Б.И. Последние монеты Сарая	250
Гулевич В.П. Первое письменное упоминание Качубеева: критический разбор	262

После Золотой Орды

Чернышов С.А. Сибирское ханство в локальной исторической памяти русского народа	283
Аксанов А.В. Родословная казанских ханов в тюрко-татарских источниках	288
Абдужемилев Р.Р. Гюльбюн-и ханан: биографический свод Крымского ханства в повествовательно-художественной репрезентации	292

Рецензии

Порсин А.А. Ответ на рецензии Ж.М. Сабитова, Д.М. Тимохина и В.В. Тишина, посвященные книге «История Золотой Орды в конце XIII – начале XIV веков в труде Рука ад-дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра»	298
Алпысбес М.А. Рецензия на книгу: Аяган Б.Г. История Улуг Улуса – Золотой Орды: курс лекций	321

Хроника

Боталов С.Г., Тюрк А. IV Международный Мадыарский симпозиум (Казань–Болгар, 15–19 октября 2018 г.)	330
Гиниятуллина Л.С. Деятельность Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в 2021 г.	336

CONTENTS

Mirgaleev I.M. Editor's Word	7
---	---

Seif Sarai's Legacy

Minnegulov Kh.Yu. Saif Sarai's Literary Legacy (on the Occasion of the 700th Anniversary of the Birth of the Poet)	8
Sayfetdinova E.G. A Mamluk or a Free Poet? On the Fate of Seif Sarai and His Environment in Egypt	22

Through the Ages: Hungarians and Bolgharians

Gyóni G. The Volga-Ural Region: The Cradle of the Magyar Statehood?	28
Belavin A.M., Ivanov V.A., Krylasova N.B. Archaeological Attributes of the Ancient Hungarians' Culture in the Urals: Real and Imaginary	35
Rudenko K.A. To the Question of the Western Limits of the Distribution of Materials of the Kushnarenkovo Culture in the seventh and eighth centuries.....	43
Kruglov E.V. The Ugro-Magyars in the Steppes between the Land of Dentumoger and the Region of Etekköz	50
Hautala R. The Mongol Conquest of the Eastern Magyars according to Written Sources	74
Nikolov A. The "Newly Appeared People": Bulgarians and Byzantium before the Founding of Danube Bulgaria in 681	92

World of the Golden Horde

Mirgaleev I.M. The Paradigm of Power in the Golden Horde according to the Turkic-Tatar Historical Writings.....	101
Mukhametzianova L.Kh. Tatar Epic Monuments Recorded in Medieval Written Sources	106
Davletshin G.M. Reflection of the Written Culture of the Golden Horde in Archaeological Materials (Writing Materials, Jewelry, Dishes, Lamps).....	111
Zainuddinov D.R. Najmu al-Din al-Kubra (d. 618/1221) in Medieval Historical and Biographical Sources	123
Timokhin D.M. The Use of the Concepts "Tatars" and "Mongols" in Muslim Sources of the thirteenth century When Describing the Conquest of Khwarezm by Chinggis Khan.....	129
Narozhny E.I. Events of the 1230–40s in the North Caucasus and about the "Lost" Magas	141
Pochekaev R.Yu. The Justice of a Distant Protector or How the Golden Horde Ruler, Batu, Solved the Problems of the Seljuk Sultanate	154
Kramarovskiy M.G. Silver of Anatolia in the Golden Horde and the "Seljuk Phenomenon"	161
Golev K. To Kill a Chinggisid: Eurasian Nomadic Traditions in the Political Arsenal of Tzar Theodor Svetoslav (1300–1322)	179
Khaidarov T.F. The Role of the Horde-Russian Polity and Large Epidemic Outbreaks in the History of Tatars	190

Ilushin B.A. Relations between the Golden Horde and the Grand Duchy of Nizhny Novgorod and Suzdal (1341–1392): A Historiographic Aspect	227
Savosta R.Yu., Reva R.Yu., Leonov B.I. The Latest Coins of the Saray Mint	250
Gulevich V.P. The First Written Mention of Kachubeev: A Critical Analysis	262

After the Golden Horde

Chernyshov S.A. The Siberian Khanate in the Local Russian Historical Memory	283
Aksanov A.V. Genealogy of Kazan Khans in Turkic-Tatar Sources	288
Abduzhemilev R.R. Gülbün-i Khanan: A Biographical Collection of the Crimean Khanate in the Narrative and Artistic Representation	292

Reviews

Porsin A.A. An Answer to Zh.M. Sabitov, D.M. Timokhin, and V.V. Tishin’s Reviews of the Book “The History of the Golden Horde at the end of thirteenth and in the early fourteenth centuries in the Work of Rukn al-Din Beibars al-Mansuri ‘Zubdat al-fikra’”	298
Alpysbes M.A. Book Review: Ayagan B.G. The History of the Ulugh Ulus – The Golden Horde: Course of Lectures	321

Chronicle

Botalov S.G., Türk A. The Fourth International Magyar Symposium (Kazan–Bolghar, 15–19 October 2018)	330
Giniyatullina L.S. Activities of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences in 2021	336

ПЕРВОЕ ПИСЬМЕННОЕ УПОМИНАНИЕ КАЧУБЕЕВА: КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР

В.П. Гулевич

Аппарат Верховной Рады Украины

Цель: критический разбор событий 1415 г. в труде польского хрониста Яна Длугоша «Анналы или хроники Польского королевства» для установления достоверности первого письменного упоминания о Качубееве.

Материалы исследования: латинский текст последнего критического издания труда Яна Длугоша «Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae» с описанием событий 1415 г., где упомянут топоним Качубеев.

Научная новизна: упоминание Яном Длугошем в событиях 1415 г. «королевского порта Качубеев» большей частью исследователей признано фактом, подтверждающим существование поселения Качубеев, который, в свою очередь, якобы был центром владений татарского князя Хачебея, владевшего окрестными территориями, от которого и получил свое название. На основе впервые проведенного комплексного критического разбора событий 1415 г. сделан вывод о недостоверности упоминания Качубеева в «Анналах или хрониках Польского королевства» Яна Длугоша.

Ключевые слова: Качубеев, Ян Длугош, 1415, Ягайла, Александр I, Витаутас, Цамблак, Османская империя, Великое княжество Московское, вассальная клятва, византийское посольство, пути сообщения, «bullis plumbeis», солнечное затмение

Дискуссия о времени основания поселения и замка Качубеев* (Хаджибей) на месте современного города Одесса (Украина) продолжается уже около двухсот лет [18, с. 75–107; 3, с. 233–258]. За это время проблема приобрела большую историографию, анализ которой выходит за рамки данного исследования. Основаниями для убеждения многих исследователей о существовании уже в XIV в. сперва татарского поселения Хаджибей, а потом в XV в. на его месте польского королевского порта и следом за этим там же строительства литовского замка Качубеев являются: 1) упоминание в литовско-белорусских летописях трех подольских татарских князей-братьев «Хачебея, Кутлубуга и Дмитрия» [29, с. 66, 74, 102, 138, 160, 186, 207, 229], где с именем первого связывают гипотетическое существование одноименного поселения на берегу Одесского залива; 2) упоминание под 1415 г. польским хронистом Яном Длугошем «королевского порта Качубеева»; 3) строительство в 1421 г. литовским подольским старостой Юрием Гедигольдом замка, который якобы находился на морском берегу; 4) немецкий перевод польско-литовского договора 1431 г. о перемирии между великим князем литовским Свидригайлом и польским королем Владиславом III, где упомянут Качубеев 5) королевском пожаловании магнату Теодорику Бучацкому в 1442 г. обширных владений среди которых был и Качубеев. Все эти составляющие являются предметом нашего внимания в отдельных специальных исследованиях. Здесь мы обратимся к критическому разбору достоверности первого упоминания Качубеева в письменных источниках.

Как было сказано выше, первое письменное упоминание **не поселения** Качубеев, но «[польского (sic!)] *королевского порта Качубеева*» под 1415 г. принадлежит польскому хронисту Яну Длугошу (1415–1480)¹. Важно отметить, что в своем обширном труде ни при описании войны между Польским королевством и ВКЛ за Подолье в 30-х гг. XV в., ни в последовавших за этим многочисленных спорах за этот регион на польско-литовских съездах он больше ни разу Качубеев не упоминал.

Прежде всего нужно сказать, что 1415 г. в освещении Длугошем один из наиболее коротких в его труде по сравнению с другими. В интересующих нас событиях весны-лета важное место занимает объезд польским королем Ягайлом ряда его восточных владений в следующей последовательности:

1. После Рождества из Литвы он приехал в Едльню, потом в Парчув, где встретил свою жену Анну, и пробыл там какое-то время. Далее король объезжает ряд польских городов и празднует Пасху

* Название имеет в различных источниках множество вариаций написания. Тут и далее мы употребляем форму «Качубеев», как это зафиксировано в первом письменном его упоминании.

¹ Две противоположные точки зрения на известия Длугоша о Качубееве см.: [35, с. 25–53; 17, с. 77–99].

во Львове. В мае он несколько дней пробыл в Сяноке, потом опять во Львове, Глинянах и Буске и на праздник Вознесения 9 мая прибыл в Тереховлю. Оттуда король поехал в Галич, Коломыню и перед Зелеными святками прибыл в Снятин.

2. В Снятине к нему приехал молдавский господарь Александр I Добрый вместе с женой и в сопровождении своих рыцарей. Король, который также имел впечатляющее сопровождение из многих пышных польских рыцарей, оказал ему дружественный и щедрый прием.

3. Желая показать свою верность и расположение к Ягайлу, сидевшему на троне и с короной на голове, молдавский правитель вместе со всеми рыцарями Молдавской земли, принес королю присягу верности, кинув ему под ноги свои знамена. В подтверждение присяги он выдал грамоту, которая и во времена Длугоша для вечной памяти якобы хранится в королевской казне, т.е. в архиве. После этого Александр I пригласил короля на беседу, где щедро его угостил.

4. В тоже время прибыли послы патриарха и греческого императора с письмами и «*bullis plumbeis*». Они обратились к Ягайлу просьбой о помощи продовольствием для Византии, терпящей притеснения от османов. Король приказал выдать им желаемое в необходимом количестве в своем королевском порту Качубеев.

5. Из Снятина король отправился на территорию современной Беларуси, где его застало полное солнечное затмение.

6. За милю до г. Троки (современный г. Тракай) Ягайла встретил Витовт и ливонский магистр Тевтонского Ордена. Великий князь литовский принял короля и, как верный вассал, на следующий день щедро пожертвовал ему двадцать тысяч гривен широких грóшей, сорок соболиных шуб, сто лошадей и т.п. Все это через своего подканцлера Донина король отослал в Краков, а позднее раздал рыцарям и доверенным людям [88, р. 54–55].

Рассмотрим все изложенные Длугошем события.

Присяга Александра I в Снятине

В Снятин король прибыл еще до 19 и уехал не ранее 21 мая [78, s. 82]. Пребывание его в этом городе зафиксировано независимым источником [139, № 1795, s. 393]. О приезде туда же Александра I подтверждающих источников нет. Его присяжная грамота 1415 г., не известна. В счетах Ягайла за 1415 г. никаких данных об обязательном обмене подарками при встрече правителей и затратами на угощение, нет [122, р. 456–489]. Сама присяга в пересказе Длугошем о том, как воевода бросил под ноги королю свои знамена, описана как будто бы со слов очевидца. Это важная особенность, которую нужно отметить т.к. ниже мы к ней еще вернемся.

Известно, что Александр I присягал и подтверждал присягу Ягайлу несколько раз: 12 марта 1401 г. в Сучаве [83, № 651, р. 823; 62, № 171, р. 621], 1 августа 1404 г. в Каменце [83, № 654, р. 826–827; 62, № 173, р. 625], 6 октября 1407 г. во Львове [83, № 655, р. 827–828; 62, № 175, р. 628–629]. Важно отметить, что при выдаче присяжных грамот воевода и король ни разу не встретились [78, s. 53 (1401 г.), 57 (1404 г.), 63 (1407 г.)]. Присяжная грамота 1415 г. до сих пор не обнаружена и никаких независимых от Длугоша сообщений о ней нет даже в самых ранних инвентарях коронного архива, составленных Марцином Кромером [143] и Яном Замойским [144]. Поэтому исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о том, присягал ли Александр I в 1415 г. в Снятине или нет. Так, Болеслав Стахонь, считал, что присяга имела место, но не в 1415 г., а в 1420 г. [129, s. 53, przur. 5]. Илона Чаманьска напротив считает, что присяга все же состоялась в 1415 г. [63, s. 278].

Еще одна присяжная грамота известна только из регистра Мацея Догеля и датирована им 1419 г. [67, р. 600]. При составлении регистра он, по всей видимости, опирался на текст известной присяжной грамоты Александра I с некорректной датой: «*оу лето шестотысячное девять сотъ и девятнадцатое лето маіа кѣ (25) оу понеделник по вознесени Г(оспод)ни*» в Дольном Торге (г. Роман) [37, № 23, с. 21; 83, № 657, р. 830–831; 62, № 167, р. 637–638].

Текст регистра Догеля соответствует реалиям событий 1411 г. и схож с текстом присяжной грамоты валашского воеводы Мирчи Старого, выданной Ягайлу в этом же году [67, № V, р. 600]. Поэтому уже Владимир Уляницкий и Михай Костэеску, считали, что Догель ошибся и верна дата 1411 г. [37, № 23, с. 21; 62, № 167, р. 637–638]. И. Чаманьска, ссылаясь на грамоту, хранящуюся в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD), также относит изданный Уляницким и Костэеску тексты не к 1419 г., а к 1411 г. [63, s. 71, przur. 194]. Обратимся к этой грамоте.

Грамота с датой 25 мая 1419 г. издана В. Уляницким по пергаментному оригиналу, а М. Костэеску – по фотокопии. Поэтому у нас нет причин сомневаться, что год, написанный не числами, а словами, прочитан верно. Но в 1419 г. Пасха пришлась на 16 апреля, а Вознесение на четверг 25 мая

[6, с. 62], в 1415 г. Пасха 31 марта, Вознесение в четверг 9 мая, а 25 мая – суббота [6, с. 30]. И только в 1411 г. Пасха была 12 апреля, Вознесение в четверг 21 мая, а 25 мая – в понедельник [6, с. 54], что почти совпадает с датой пребывания Ягайла в Снятине 21 мая 1415 г., подтвержденным независимым источником [139, № 1795, s. 393].

Почему же в грамоте такое несоответствие праздника Вознесения и понедельника 25 мая с 1419 г.? Не имея возможности изучить оригинал грамоты на предмет возможной фальсификации, остановимся на более прозаичной версии. Возможно, это могло произойти, если в черновом тексте грамоты год был написан кириллическими цифрами *†āyai* (1411), а при чистовом написании ошибочно прочтен, как *†āyoi* (1419), и записан соответствующими словами. Можно предположить, что грамота Александра I с текстом присяги 1411 г. и стала причиной ошибочного внесения Длугошем упоминания о присяге Александра I в 1415 г.

Однако, сложно поверить, что писец мог сделать механическую ошибку в буквенном написании цифр года, когда разница составляет восемь лет! Скорее можно предположить, что молдавский господарь присягнул Ягайлу не только в 1411 г., но и в 1419 г. Причиной этого могли послужить два обстоятельства, как вместе, так и порознь.

Во-первых, намечалась война Польского королевства и ВКЛ с Орденом из-за Жемайтии. В апреле Ягайло отправился на встречу с венгерским и римским королем Сигизмундом I Люксембургом чтобы обсудить эту проблему. Однако тот в назначенное им же самим место не приехал, тем самым оскорбив Ягайла, вызвав у него раздражение и подозрение. Нельзя забывать, что во время Великой войны 1409–1410 гг. Сигизмунд I был на стороне Ордена и напал на южные границы Польского королевства [73, s. 287–288; 116, s. 108–110; 76, s. 15–36]. А в составе венгерского войска, вторгнувшегося в Галичину, находился и бывший подольский князь Федор Кориатович [75, № 7983, old. 424, № 8031, old. 431; 23, № 11, с. 209], изгнанный из своих владений Витовтом по приказу Ягайло в 1394 г. Когда же 12 мая папские легаты приняли решение относительно Жемайтии в пользу Ордена, то война стала неотвратимой [88, р. 90–96] и лишь при посредничестве Миланского епископа Варфоломея было заключено перемирие до 13 июля 1420 г.

Во-вторых – в начале 1419 г. господарь Александра I женился на сестре литовского правителя Рингале [63, s. 81; 132, s. 64–65]. Литовско-молдавский альянс, скрепленный узами родства, мог вызывать беспокойство короля из-за Западного Подолья, затиснутого между двух государств. На Западном Подолье, были сильны пропольские настроения. И хотя в 1418 г. Ягайло принудил местную шляхту присягнуть на верность Витовту [60, № 805, р. 427–428], он вовсе не желал потерять контроль над этим важным регионом в случае какого-нибудь конфликта с литовским правителем.

В таких условиях польский король нуждался в дополнительных гарантиях верности своего молдавского вассала. Можно предположить, что в 1419 г. за основу присяги Александра I был взят текст грамоты 1411 г., переписанный дословно и актуализированный лишь в части годовой даты. Длугош же, или кто-то из его помощников, кто хоть как-то умел читать кириллические тексты, ошибочно отнес текст присяги 1411/19 г. к событиям 1415 г. опираясь на указанные в тексте более верные дни недели, совпавшие с пребыванием Ягайла в Снятине.

Примем также во внимание расстояние и скорость передвижения по маршруту, описанному Длугошем: Медыка (28 апреля) – Львов (ок. 85 км) – Глиняны (ок. 50 км.) – Буск (20 км) – Теревовля (9 мая, ок. 130 км) – Бучач (48 км) – Галич (61 км) – Коломыя (95 км) – Снятин (до 19 мая, 42 км). Таким образом, с 28 апреля по 19 мая королевский кортеж между Медыкой и Теревовлей за одиннадцать дней преодолел ок. 285 км делая в среднем 26 км ежедневно, или за двадцать дней от Медыки до Снятина ок. 530 км со скоростью 25 км в день. Если допустить, что Ягайло выехал из Снятина в «день присяги» (25 мая) в Каменец (ок. 120 км) – Смотрич (ок. 30 км) – *Nyeswyedz* (?) – Кременец (от Смотрича ок. 200 км) – *Raysko* (?)² – Садов (от Кременца ок. 90 км) – Турийск (3 июня, ок. 80 км) – Кобрин (6 июня, ок. 160 км), то он преодолел почти 700 км за одиннадцать дней, или в среднем делая более 63 км в день. Такая скорость без отдыха вряд ли была по силам тяжелому королевскому кортежу³. Если же Ягайло выехал из Снятина 21 мая, то средняя скорость составила бы ок. 45–46 км в день, что более правдоподобно. Видимо что-то заставило Ягайло спешно отправиться в Литву, и это

² *Nyeswyedz* и *Raysko* не локализованы. Издатели текста Длугоша считают, что это, соответственно, г. Несвиж (Минская обл., Беларусь, в 80 км от г. Новогрудок) и ныне не существующее село недалеко от Луцка [88, р. 348]. Но более вероятно, что хронист по ошибке перенес посещение королем г. Несвиж и с. Райца (Кореличский район Гродненской обл. Беларуси, в 30 км от г. Новогрудок) в маршрут по украинским землям.

³ О составе этого кортежа можно судить по счетам короля в 1415 г. [122, р. 456–489].

обстоятельство служит косвенным аргументом не в пользу присяги Александра I Доброго 25 мая 1415 г. в Снятине.

Византийское «посольство» к Ягайлу

Единственным источником, сообщающим о прибытии византийских послов к польскому королю, также является Длугош. Его информация без надлежащей критики принята не только в старшей литературе [68, № 3347, s. 101], но и в современных специальных исследованиях, посвященных византийской дипломатической службе [52, Appendix A: Embassies. Table 1.2 Embassies during the reign of Manuel II, № 85, p. 282]. В изложении хрониста, послов было не менее двух, но их имена для него остались неизвестны. Почему послы представляли одновременно патриарха и императора, он не объясняет. Единственный вопрос, поднятый послами, сводился, по сведениям Длугоша, к просьбе о помощи зерном, на что они якобы получили положительный ответ короля.

Venerant insuper sub eodem tempore ad Wladislaum Polonie regem nuncii patriarche et imperatoris Grecorum cum literis et bullis plumbeis, quatenus dignaretur eis a Turcis multifarie lacessitis et oppressis frumenti tantummodo largicione subvenire. Wladislaus autem Polonie rex necessitati eorum satagens pia commiseracione succurrere, petitam frumenti quantitatem dat et largitur et in portu suo regio Kaczubyeow per eos recipiendum consignat [88, p. 55].

Кроме того, в то же время прибыли к Владиславу королю Польши посланники патриарха и императора греков с письмами и свинцовыми буллами, дабы удостоил бы их, всевозможно атакуемых и притесняемых турками, поддержкой, лишь дарением зерна. Владислав же, король Польши, в стремлении помочь им в тяжелом положении из благочестивого сострадания дает им и наделяет их запрошенным количеством зерна и распоряжается, чтобы оно было получено ими в его королевском порту Качубеева.

Обратимся к византийскому посольству.

Известно, что в Византии иногда практиковали совместные посольства от патриарха и императора. В частности, такое посольство от патриарха Матфея (1397–1410) и императора Мануила II Палеолога (1391–1425) в 1398 г. было отправлено в Москву для изыскания средств на защиту Константинополя от осаждающих его войск султана Баязида I. Киевский митрополит Киприан обратился с призывом о помощи *«ко многимъ княземъ и боаромъ и гостемъ, советуя имъ даяти милостыню въ той нужи и беде суцимъ, во осаде седящимъ от турковъ»*. В числе адресатов были не только православные Василий I Дмитриевич Московский и Олег Иванович Рязанский, но и католик Витовт [26, с. 168; 31, № 46, стб. 311].

В 1415 г. из Москвы через Литву проезжали византийцы *«царев [посол] Дасипат (Дисипат), а другой посол, патриаршь, архимандрит Гаврило»*, которые имели встречу с Витовтом [2, № 25, с. 36–37]. Цель приезда греков в Московию и ВКЛ в источниках не отображена. Конечно, они должны были привезти Василию I Дмитриевичу письма от его дочери Анны, супруги сына византийского императора, которая с 1414 г., или по иным данным уже с 1411 г. [22, с. 255–262] жила в Константинополе. Но целью посольства, скорее всего, было донести позицию патриарха относительно намерений Витовта произвести Григория Цамблака в сан Литовского митрополита и разъяснить планы императора относительно намеченной на Соборе в Констанце унии между Западной и Восточной Церковью.

Здесь необходимо сказать о цели Ягайла и Витовта на Соборе в Констанце. Ягайло и Витовт были сторонниками мягкого локального объединения двух Церквей и эти взгляды на унию сильно отличались даже от взглядов польского епископата [95, s. 175–179]. Однако, основная их цель была политическая – освобождение захваченной тевтонцами Жемайтии. 7 октября 1414 г. король подписал перемирие в очередной войне с Орденом сроком до 8 сентября 1416 г. [60, № 599, p. 297] и согласился на посредничество Констанцского Собора. Собор создал специальную комиссию для рассмотрения вопроса о владении Жемайтией лишь 11 мая 1416 г. Поэтому проблема католической христианизации жемайтов, православных и татар [12, с. 60–75] была для Ягайла и Витовта важным аргументом в этой борьбе. В Ордене хорошо понимали их игру относительно церковной унии, и орденский прокуратор Петер фон Вормдигт еще 25 октября 1415 г. писал магистру Михаэлю Кюхмайстру, что на Соборе целью католических неофитов Ягайла и Витовта было показать себя *«добрыми христианами»* [66, № 130, s. 275–277].

Вернемся к византийскому посольству. Раймонд-Йозеф Ленерц считал, что «*греческое посольство явилось ко двору в Кракове*» (sic!) весной 1415 г. [108, р. 18–19], Франц Дёлгер датировал посольство Дисипата и Гавриила в Москву летом 1415 г. [68, № 3350, s. 102], а по мнению Олега Лугового, «очевидно, что послы появились при дворе Витовта в марте–апреле [1415 г.]» [21, с. 342]. Все три датировки произвольные, т.к. мы не знаем времени их отъезда из Константинополя. Неизвестен и маршрут послов, который позволил бы рассчитать время пути от Византии до Московии, соответственно, неизвестно и время приезда греков в Литву. Попытаемся рассчитать время посольства Дисипата и Гавриила опираясь на рамки навигации на Черном море, время, которое посольства из Москвы затрачивали на путь в Константинополь, итинерарии Ягайла и Витовта и их связь с планами литовского правителя относительно постановления Цамблака на Литовскую митрополию.

В марте 1415 г. и Витовт отправил своих послов в Константинополь за ответом относительно рукоположения Цамблака. На поездку в Византию и назад им было отведено пять–шесть месяцев (март – 20 июля) [2, № 25, с. 36–37]. Послы должны были добраться, по всей видимости, до Белгорода к началу навигации. Скорость их передвижения должна была быть более высокой на основном отрезке пути от Вильно до Подолья, где им обязаны были предоставлять лошадей в подводы, и менее высокой на отрезке между Подольем (Брацлавом или Каменцом) и Белгородом. Сколько они шли по морю, неизвестно. Так, инок Зосима в 1419 г. (перед Филипповым заговеньем 14 ноября) добирался на корабле из Белгорода в Константинополь три недели [42, с. 3]. Если литовским послам посчастливилось быстро нанять корабль и повезло с погодой, а также если их путь по морю занял меньше времени, чем у Зосимы, то в лучшем случае они прибыли в Византию к середине апреля.

Мы не знаем, оправдали ли патриарх и император послов в Москву вследствие прибытия в Константинополь литовских послов, засвидетельствовавших упорство Витовта в постановлении Цамблака, или же эта миссия была запланирована ими заранее. В среднем навигация в Черном море считалась безопасной с 1 апреля по 1 ноября, но отдельные особо крупные суда могли плавать и зимой [93, р. 470; 15, с. 31]. Допустим, что Дисипат и Гавриил отплыли из Константинополя 1 апреля. Крайне маловероятно, что они сразу направились к Ягайлу, а уже потом в Московию и Литву. Во-первых, это большой крюк на пути в Москву, а во-вторых – для этого необходимо было иметь либо договоренность с королем о времени и месте встречи, либо хотя бы представление о маршруте постоянно передвигающегося монарха. До Снятина греки добрались бы еще в конце апреля или в начале мая. Если допустить, что они прибыли в Снятин и в 20-х числах мая и встретили там короля, то им пришлось бы еще полтора-два месяца добираться в Москву, а оттуда в Литву. Это значительно сокращает отведенный им Витовтом срок ожидания ответа из Константинополя, о чем речь ниже, и при тогдашних условиях коммуникации сделало бы его невозможным. Т.е. византийцы сразу направились именно в Московию.

Вариантов их маршрута было три: 1) Константинополь – Белгород – Брацлав – Киев – Москва; 2) Константинополь – Каффа – Киев – Москва; 3) Константинополь – Азак – по Дону – Москва [34, с. 28–31, 48–52, 70–72]. Если же они избрали дорогу через Белгород или Крым, то им не удалось бы избежать весенней распутицы, что значительно замедлило их путь. Наиболее удобным был третий вариант, который давал возможность миновать распутицу и беспрепятственно плыть по вскрывшемуся от льда Дону [110]. Этому способствовала и ранняя весна 1415 г., когда, к примеру, на Волге лед сошел уже в марте [27, стб. 487]. Однако, и маршрут через Азов тоже был долгим. Так, в конце XIV в. архимандрит Пимен отправился в Константинополь из Москвы 13 апреля, т.е. после того, как вскрылись реки, через Рязань и сплавом по Дону. В столицу Византии он прибыл 29 июля, затратив на дорогу семьдесят семь дней, или два с половиной месяца [26, с. 95–99]. Таким образом, в лучшем случае, если не учитывать возможные непредвиденные обстоятельства в пути, византийцы добрались бы до Москвы к концу мая.

Если Дисипат и Гавриил сразу же по приезду в Москву были приняты Василием I и уже на следующий день выехали к Витовту, когда они могли прибыть в Литву? Известно, что в 1441 г. митрополит Исидор выехал из литовского г. Троки 13 августа и прибыл в Москву 19 сентября затратив на дорогу двадцать семь дней [61, р. 42–44]. В 1477 г. венецианец Амброджо Контарини налегке ехал из Москвы в Троки двадцать два дня с 21 января по 12 февраля [32, с. 96]. В 1600 г. литовский посол Лев Сапега из Орши, расположенной значительно восточнее Троки и Вильно, ехал с обозом в Москву двадцать один день с 27 сентября по 16 октября [43, Отдел II, с. 94–98]. Таким образом, даже если Дисипат и Гавриил без отдыха затратили на дорогу вдвое меньше, чем А. Контарини, то их прибытие в Вильно или Троки относится не ранее, чем к середине июня.

Тем временем Ягайло доехал до Литвы и с 13 июня по 2 июля в сопровождении Витовта побывал в Троках, Ковно и Медниках. После этого Витовту между 3 и 27 июля срочно понадобилось съездить в Киев для переговоров с каким-то татарским ханом [60, № 639, р. 321–322; 107, № 2012, sp. 65]. Однако нельзя исключить, что поездка в духовный центр Руси была связана в том числе и с церковными делами ВКЛ. Между Вильно и Киевом по прямой линии ок. 700 км. Дорогу в оба конца за четырнадцать суток Витовт преодолел со средней скоростью 50 км в день. Это достаточно быстро, но нужно учесть, что для правителя была система передвижения в ВКЛ хорошо организована. Согласно Длугоша, в 1428 г. после войны с Новгородом Витовт как можно быстрее поспешил к жене «на поставленных [по маршруту передвижения] подводных лошадях» [88, р. 246]. Т.е., при необходимости 50 км в день было приемлемое расстояние для поездки налегке, нужно думать, не только для великого князя литовского, но и для польского короля, которого в Литве обеспечивали всем необходимым для передвижения [89, р. 481]. После возвращения в Литву, Витовт вновь встретился с королем в Новогрудке 27–30 июля [78, s. 82; 120, s. 68] и как раз 20 числа того же месяца вышел срок, установленный им для возвращения литовских послов с ответом патриарха.

Дисипат и Гавриил были послами к Василию I Дмитриевичу, но их статус относительно Витовта, а тем более Ягайло, нуждается в осмыслении. Византийцы могли иметь поручение передать Витовту или переслать ему из Москвы письма от его внучки, однако в своем послании от 15 ноября 1415 г. литовский правитель говорит о том, что греки всего лишь возвращались домой через ВКЛ, а не имели к нему какое-то посольское поручение от патриарха и / или императора: «*И потом шель съ Москвы въ Царьградъ посоль царевъ Дасипат, а другий посоль патриаршь, архимандритъ Гаврило*» [2, № 25, с. 36]. Тогда с чем же они приехали к Витовту?

Поскольку грекам ничто не мешало вернуться в Константинополь тем же путем, каким они прибыли к Василию I Дмитриевичу, можно думать, что решение возвратиться через Литву возникло у них уже в Москве. Не исключено, что это была идея Василия I Дмитриевича и / или митрополита Фотия с единственной целью – опираясь на моральный авторитет патриарха и императора попытаться уговорить Витовта отказаться от своего плана. Поняв решительность литовского правителя в желании постановить Цамблака, грекам ничего не оставалось, как уговорить его отложить рукоположение, пока они «разъяснят» Евфимию II и Мануилу II ситуацию, сложившуюся в ВКЛ.

Отсутствуя в Константинополе более двух месяцев, Дисипат и Гавриил не могли знать о возможных изменениях в политике патриарха и императора относительно Литовской митрополии. Однако, им имело смысл просить Витовта отложить постановление в том случае, если к назначенному 20 июля (Ильин день) или 15 августа (Успение Богородицы) [2, № 25, с. 36–37], литовское посольство с отказом патриарха или вообще без его ответа еще не вернулось [5, с. 378]. Витовт же получил ответ от патриарха и императора в виде требования изгнать Цамблака лишь в 1416 г., но не как их решение на просьбу дать Литовской митрополии отдельного от Москвы митрополита, а уже как следствие его рукоположения на митрополию [31, № 40, стб. 359–360]. Смерть Евфимия II (29 марта 1416 [104, р. 329–332]), и сменивший его 21 мая того же года патриарх Иосиф II никак не повлияли на позицию Византии относительно Цамблака. Таким образом, «послы» не передали и не могли передать Витовту из Константинополя ровным счетом ничего.

Где именно произошла встреча греков с Витовтом, неизвестно. 28 мая и 13 июня литовский правитель был в Троках, 22 июня – в Ковно, 2–3 июля в Медниках, между 3 и 27 июля ездил в Киев. Таким образом, встреча могла состояться либо в промежутке между концом июня и 3 июля, либо после 27 июля. Возможно, греки имели аудиенцию одновременно у Витовта и Ягайла. Нельзя исключить, что в середине июня – начале июля их принял один Витовт и уже после его отъезда – Ягайло, а также вариант, что король вообще не встречался с ними, т.к. его счета не фиксируют никаких расходов на принятые в таких случаях подарки [122, р. 456–489].

Как бы там не было, отъезд Дисипата и Гавриила из Литвы нужно отнести по крайней мере на июнь. На предоставление ими ответа из Константинополя Витовт отвел пять-шесть месяцев: июнь / июль – 14 ноября. Следует учитывать один важный аспект: являясь лишь «транзитными пассажирами» через ВКЛ, а не послами к Витовту, Дисипат и Гавриил не могли рассчитывать на бесплатное пользование подводами и станциями, которые Литовское государство предоставляло официальным посольствам. Но, заинтересовав литовского правителя, они получили право на пользование ими, что не только увеличило скорость их передвижения, но и предало возможный в тех условиях комфорт [136; 84].

Исходя из объективных показателей, видно, что византийцы не могли встретить Ягайла в Снятинне в мае 1415 г. Если их встреча с королем все же была, то произошла она в Литве, и случилась только потому, что Ягайло приехал на встречу с Витовтом. Невозможно согласиться с мнением О. Лугового⁴, что целью встречи греков с королем было его желание оттянуть возведение Цамблака в сан Литовского митрополита [21, с. 342–343; 20, с. 332–339]. Борис Флоря верно указал, что действия Витовта были согласованы с Ягайлом [40, с. 337–338]. Об этом свидетельствует участие на Соборе в Новогрудке, где Цамблак был рукоположен на Литовскую митрополию, Харитона, епископа Холмского, и, возможно, Геласия, епископа Перемышльского [2, № 24, с. 33; 31, № 38, стб. 310; 25, с. 259], чьи епархии находились в Польском королевстве. Рукоположение состоялось 15 ноября, т.е. на следующий день после отведенного Витовтом окончательного срока для получения ответа из Византии. Епископы же ВКЛ и Польского королевства собрались на Собор задолго до этой даты, а значит Ягайло дал свое позволение Харитону Холмскому не позже, чем проезжал через Холм в августе 1415 г. [78, s. 82].

Если Дисипат и Гавриил не были послами к Витовту, тогда какой они имели статус относительно Ягайло и какие письма с «*bullis plumbeis*» они якобы предъявили королю?

Значение термина «*bullia plumbea*» еще в XVII в. досконально разобрал Шарль дю Канж [72, p. 775–776]. Это вислые свинцовые пломбы круглой или овальной формы, на которые нанесен оттиск печатей. Пользование ими было широко распространенным явлением. Известно, что их использовал и патриарх Евфимий II (1410–1416) [137, № 52, p. 60–61]. О. Луговой видит в «*bullis plumbeis*» кальку с византийских моливдовулов (в данном случае – личных вислых свинцовых печатей Дисипата и Гавриила), что, по его мнению, является подтверждением правдивости слов Длугоша [21, с. 343; 20, с. 337]. Попытаемся разобраться с этим.

Нам ничего неизвестно о контактах между Польшей и Византией в конце XIV – начале XV вв. Никаких посланий византийских императоров или патриархов в польских и других архивах не обнаружено. Нет о них упоминаний в письменных источниках и в инвентарях М. Кромера и Я. Замоиского. Из писем польских королей к императорам Византии известна только одна сохранившаяся копия. Она не датирована, но единственное подтвержденное византийское посольство побывало в Польше в августе 1420 г. [60, № 895, s. 493; 68, № 3381, s. 107; 80, p. 55–56]. Длугош о нем ничего не знал [88, p. 240–270]. Греческие послы, возможно, посетили ВКЛ в 1416 г. [31, № 40, стб. 359–360; 105, № 3293, p. 5; 36, с. 783–785], и точно в 1420 г. [29, с. 56; 68, № 3382, s. 107] и 1426 г. [106, № 90, p. 164–165; 68, № 3419, s. 113], но ни одного документа от них не сохранилось.

Поскольку встреча греков с Ягайло была фактически случайной, можно быть уверенным, что никаких посольских поручений от патриарха и / или императора к королю Дисипат и Гавриил не имели. Соответственно, они и не имели никаких полномочий и письменных документов, которые могли бы предъявить королю, на что совершенно верно указал О. Луговой, хотя и не объяснил зачем «послам» понадобилось демонстрировать монарху личные моливдовулы. Длугош, который не читал по-гречески, не видел ни одного византийского послания ни к польскому королю, ни тем более к великому князю литовскому, не знал, как они выглядели. Так откуда же он взял информацию о «*bullis plumbeis*»?

Нам представляется возможным два варианта ответа. Ян Длугош имел доступ в королевский архив, где он не только видел и читал послания понтификов, но и цитировал их. Поскольку контакты Польши с Римом и до, и при Ягайло были интенсивные, о чем свидетельствуют сохранившиеся папские послания [69; 71], можно думать, что «*bullis plumbeis*» не калька с византийского моливдовула, а вписаны Длугошем в соответствующее место хроники по примеру увиденных им папских булл. О причине этого будет сказано ниже.

Вторым вариантом может быть то, что Дисипат и Гавриил передали Ягайлу несохранившееся послание великого князя московского Василия I Дмитриевича, который также использовал вислые свинцовые буллы [45, с. 32–33]. В таком случае они в самом деле получили повод для неслучайной встречи не только с великим князем литовским, но и польским королем. Однако, поручение передать письма московского правителя Ягайлу не делало Дисипата и Гавриила его послами. Таким образом, слова Длугоша о посольском статусе византийцев относительно польского короля не находят подтверждения.

⁴ В своем мнении Автор ссылается на труд *Mončak I. Florentine ecumenism in the Kyivan church. The theology of ecumenism applied to the individual Church of Kyiv. Rome: Editiones Universitatis catholicae ucrainorum S. Clementis papae, 1987. P. 153–154.* Однако там сказано не о желании Ягайла оттянуть постановление Цамблака, а о неблагоприятном отношении к его рукоположению Федора Хрисоверга, о котором речь ниже.

Для полноты картины нужно сказать, что в 1415 г. Польше побывал еще один грек. В своем письме от 29 августа 1415 г. на собор в Констанц Ягайло рекомендует некоего Федора Константинопольского, т.е. Федора Хрисоверга, как знатока греческого, татарского и латинского языков [48, № 128, s. 281–282]. Этот Федор между 1406 и 1415 гг. стал генеральным викарием доминиканской общины, известной как «Общество странствующих братьев за Христа среди неверных», и в его ведении находилась группа монастырей Галичины, Подолья и Киева [108, p. 7–8]. Когда Федор прибыл в Польшу, неизвестно, но при себе он имел письма каких-то христианских князей, и просил короля способствовать распространению католической веры, что как раз совпадало во времени с планами самого Ягайла на Собор. В своем письме в Констанц Ягайло не уточняет характер планов и не раскрывает, кем были эти князья [48, № 128, p. 281–282]. По мнению Р.-Й. Ленерца [108, p. 18–19], инициатива обращения к королю принадлежала самому Федору, а его действия были задуманы в греко-католических кругах сторонников унии между Западной и Восточной Церквями, представителями которых были сами Хрисоверги и влиятельная семья Хрисолоров, к которым принадлежал и Мануил, византийский посол на Собор в Констанце [112; 113, p. 601]. Они хотели заручиться поддержкой польского короля, как правителя многих православных. Вряд ли Федор лично до 1415 г. бывал на землях Руси. Однако, учитывая тесные связи между польскими, киевскими и крымскими доминиканцами [133, s. 49–54], можно думать, что он был информирован не только о настроениях относительно унии в Византии, но и в Польском королевстве.

С пребыванием Федора в польской столице следует связать лаконичное упоминание об оплате 13 грошей за подводу 13 сентября 1415 г., направляющуюся из краковского района Казимеж в Бохню, «с посланником, который прибыл от константинопольцев» (cum nuncio, qui venit de Constantinopolitane) [101, s. 13; 68, № 3349, s. 102]. В конце 1415 г. Федор уже был в Констанце [47, p. 268]. Сам Ягайло за весь 1415 г. в Кракове не был, а 13 сентября он находился в селе Пшышув Сандомирского воеводства [78, s. 82–83]. Встречался ли он с Федором, неизвестно, и в его письме на Собор ничего не сказано о помощи Византии [48, № 128, p. 281–282; 125, s. 159], что по меньшей мере выглядит странно, если бы ее византийцы действительно запросили.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что Федор Хрисоверг не был послом ни византийского императора, ни Константинопольского патриарха.

Обратимся к вопросу возможности поставки зерна в Византию.

Прежде всего выясним испытывала ли в 1415 г. Византия, как сказано у Длугоша, продовольственную нужду, вызванную османскими нападениями и притеснениями?

После того, как султан Баязид I попал в плен к Тамерлану в битве под Анкарой (1402), его сыновья Сулейман, Муса и Мехмед воевали между собой за власть вплоть до 1413 г. Муса в 1411 г. даже напал на Константинополь [70, p. 127]. Император Мануил II попросил помощи у Мехмеда и их союз определил исход войны. В 1413 г. Мехмед разбил Мусу и объявил себя султаном [94, p. 159–194]. Мануил II попросил его вернуть крепости в Фессалии и на побережье Черного и Мраморного морей, захваченные османами у Византии. Султан не только вернул их, но даже называл императора своим отцом [70, p. 133]. В 1414 г. Мануил II спокойно покинул Константинополь и предпринял двухгодичный объезд своих владений, усмирял бунтовщиков, строил стену в узком месте Коринфского перешейка и большую часть времени провел в Морее [115, p. 328; 38, s. 612]. Таким образом, никаких османских притеснений как минимум с 1413 г. Византия не испытывала. Более того, Мануил II имел тесные дружественные отношения с Мехмедом I, которые продолжались вплоть до 1416 г., когда в Фессалониках, подвластных императору, после поражения от законного султана укрылся то ли его младший брат, то ли самозванец Мустафа.

Однако, даже если во время добрых отношений с османами в 1413–1416 гг. Византия по какой-то причине нуждалась в хлебе, могла ли она получить его из Польши или ВКЛ?

Польское королевство и ВКЛ в Черном море своих кораблей не имели, но там ходили многочисленные суда купцов Генуи, Венеции, Трапезунда и, в меньшей мере, молдаван и армян⁵. Поэтому с доставкой грузов, в том числе и зерна, проблем не было. Северо-западное Причерноморье было областью почти монопольной хозяйственной деятельности генуэзцев. За более чем полувековой период (1400–1452) появление венецианских кораблей в Белгороде зафиксировано всего лишь трижды [14, с. 87, таблица 2].

⁵ О кораблях молдаван упоминает султан Мехмед II в своей привилегии для купцов Аккермана (Белгорода) от 9 июня 1456 г., а армян – Жан де Ваврин в 1445 г. [46, № 2, s. 22; 91; 85, p. 118].

В навигации между Южным и Северным Причерноморьем преобладали средние по тоннажу суда: лигнии и близкие к ним по типу тариды. Однопалубная тарида в 100–200 т грузоподъемности перевозила небольшие отряды войск ок. 30 чел. с лошадьми. На долю такого типа судов приходилось 64,4% всех зарегистрированных кораблей, а на крупные галеи, навы и кокки – лишь 28,9%. Грузоподъемность крупнейших двупалубных нав была от 190 до 335 и даже до 475 т, трехпалубных – от 545 до 1085 т, а кокки – ок. 300–540 т. Перевозку скота производили на ушьерах, поднимавших до 200 лошадей и до 600 человек. Для перевозок на короткие расстояния наиболее востребованными были легкие барки, фрахт которых далеко не всегда отображен в источниках из-за низкой их стоимости [15, с. 18–30].

Возникает закономерный вопрос: *«запрошенное («послами») количество зерна»* это сколько? Сколько же нужно было зерна для одного лишь Константинополя, который был в разы больше тогдашней столицы Польского королевства? Это количество должно исчисляться тоннами. В противном случае эта помощь не имеет смысла. Откуда должны были королевские урядники взять такое количество зерна? По мнению О. Лугового, поскольку *«не могло быть и речи о транспортировке зерна из Польши проторенным трактом в молдавский Белгород»*, король *«велел выдать послам зерно там, где оно уже имелось – в гарнизонных или, возможно, заготовленных на экспорт запасах в королевском порту Качубеев»* [21, с. 343]. По всей видимости, исследователь исходит из того, что выращиваемого зерна в близких к Черноморью польских или литовских владениях было достаточно для товарного оборота, его концентрировали в замках, а в подчинении Ягайло находился названный черноморский порт. Попробуем разобраться с этим сюжетом.

Прежде всего нужно сказать, что населенные земли на юге ВКЛ заканчивались в Брацлаве, за которым начинались *«поле татарское»*. Об этом вполне четко свидетельствует инок Зосима, лично побывавший в Брацлаве и Белгороде в 1419 г. [42, с. 3]. Южнее Брацлава были только литовские замки Караул и таможня в районе Тягини.

В 1411 г. Ягайло передал Подолье Витовту, поэтому королевское распоряжение должно было касаться урядников коронных земель, а не подчиненных литовскому подольскому старосте Юрию Гедигольду. Но, поскольку король оставался верховным властелином Подолья, о чем свидетельствует польско-венгерский договор 1412 г. в Любове, признанный Витовтом [60, № 502, р. 228–231], и королевские пожалования в Скальском повете [10, № 15, с. 17–18; 139, № 1778, с. 366–367 (17.07.1413)], можно думать, что *«приказ»* монарха теоретически мог быть адресован и подольским урядникам.

Наличие нескольких тонн хлеба в замке / замках и / или *«королевском порту»*, подразумевает его массовое товарное производство, а также налаженную логистику между местом выращивания, концентрации и отгрузки в порту. Однако, в XV в. сельское хозяйство Галичины, Подолья, Волыни и Киевщины оставалось полностью натуральным. Подати в незначительных объемах собирали не пшеницей, а почти исключительно овсом, который шел на корм лошадям. Товарное производство зерна на украинских землях началось только во второй половине XVI в. [11, с. 17, 19, 20–21, 24, 27–29; 64].

О снабжении хлебом пограничных замков можно судить по ревизиям конца XV–XVI вв., когда татарская опасность, казалось бы, должна была способствовать снабжению оборонных пунктов. Но ситуация была с точностью до наоборот: продовольственными запасами, в том числе и хлебом, замки снабжались более чем скудно. Их обеспечение целиком ложилось на местных старост, которые вынуждены были либо закупать все за свои деньги, либо поставлять из своих имений. Так, в винницком замке в 1545 г. староста заявил ревизору, что *«иж онь первой сего и тыхъ часовъ з своихъ именей колькодесять возовъ живности припровадилъ: муки, горохи, крупы, мяса, пшона»* [19, с. 217]. В целом же местная администрация не желала тратиться. Так, в 1494 г. в Скале и Каменце никаких хлебных запасов не было, а в Смотриче ревизор нашел меньше половины бочки гороха, бочку пшеницы, немного крупы ячменя, больше половины бочки муки, полторы бочки овса [8, с. 5–18]. Подобно в 1495 г. плачевным образом было дело в замках Львова [9]. В Брацлаве в 1545 г. продуктов в замке вообще не было [19, с. 229].

Можно предположить, что зерно выращивали у самого Качубеева, но для этого там должна была существовать сельская округа с оседлым земледельческим населением, подчиненным администрации короля. Но никаких ее следов до сих пор не обнаружено и существовать без наличия замка она не могла, о чем так характерно заявила винницкая шляхта через сто лет относительно другого подольского замка: *«як замокъ оныи Звиногородский можетъ безпечно забудованъ быти, такъ и села могутъ осести»* [19, с. 230].

Таким образом, можно быть уверенным, что ни польские, ни литовские урядники не владели запасами зерна в достаточном для продовольственной помощи Византии количестве.

Почему же Длугош назвал Качибеев «королевским портом», если с 1411 г. Подолье было под властью Витовта и хронист об этом знал?

Проблема взглядов Длугоша на границы Польского королевства исследована довольно хорошо [историографию вопроса см.: 141]. В своей «Хорографии» в число польских провинций хронист включает земли, находящиеся над реками Днестр, Буг, Неман и Днепр. ВКЛ для него, согласно условий Кревской унии 1385 г., инкорпорированная в Польское королевство территория, политическая обособленность которого лишь временное явление, а Подолье – неотъемлемая часть Польши со времен короля Казимира III [90, p. 80, 95–98; 39, с. 66–67; 77, s. 37–46; 98, s. 390, 403–404, 419; 100, s. 77–78; 57, s. 178–184]. Поэтому подольский порт в Качубееве для хрониста не мог быть ничьим, кроме как принадлежащим польскому королю.

Однако, главный вопрос состоит в том, что был ли вообще порт в Качубееве?

Политика Польского королевства и ВКЛ в черноморском направлении начала XV в., в том числе и торговая, изучена довольно поверхностно из-за почти полного молчания источников. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении, как прямые, так и косвенные данные источников позволяют сделать вполне определенные выводы. Обратимся к тем немногим фактам относительно торговых интересов Польского королевства, которые могут пролить свет на существование «королевского порта Качубеев».

Многочисленные исследования французских, итальянских, румынских, российских и др. историков торговли в Черном море позволяют с уверенностью утверждать, что порт в Качубееве, как и само поселение Качубеев, в разного рода источниках за XIV–XV вв. ни разу не упоминается [54; 55; 56; 58; 59; 82; 92; 13; 16; 81], хотя в Северо-западном Причерноморье морская торговля была довольно интенсивной. Даже венгерский король Сигизмунд I Люксембург в начале XV в. с посредничеством Генуи сумел наладить через Килию торговлю восточными товарами в Европе. Известно, что в Килию приходили по двенадцать судов за раз [60, № 1374, p. 860], однако никаких сведений об их заходах в Качубеев нет. Сигизмунд I умер 9 декабря 1437 г. и, казалось бы, что для поляков открылись возможности наладить собственную торговлю восточными товарами. Как ни странно, связано это было с Богемией.

Засилье немецких купцов, в том числе торгующих восточными товарами, в Чехии воспринимали весьма болезненно. Об этом красноречиво говорит два проекта польско-богемских договоров от 19 октября 1438 г., где Богемия в прямом смысле задумала вышвырнуть немцев со своей территории. Для этого предполагалось создать новый торговый маршрут из Каффы в Килию, который через Молдавию и Польшу свяжет Богемию с черноморской торговлей: «Также, что они [польская и богемская стороны] хотят открыть новую дорогу из Килии и Каффы, по которой они более не намерены пропускать в свои земли всех купцов, а именно немецких и из всех других земель», говорится в пункте 4 первого варианта, и «Также, что они помогут друг другу с обеих сторон проложить дорогу из Килии и от Каффы в Богемию, и чтобы ни один немец более не торговал у них», сказано в пункте 10 второго [65, № 360–361, p. 711–712]⁶. Т.е. Польское королевство ни осенью 1438 г., ни на перспективу даже теоретически не рассматривает возможность не только развития, но и самой организации торгового пути через якобы имеющийся в ее владении «королевский порт Качубеев». Новый торговый путь должен был, как и прежде, пройти через польского вассала Молдавию, но минуя Венгрию в ущерб ее торговым интересам.

Сухопутная торговля из Крыма в Польское королевство и далее на Запад действовала еще в начале XV в. и ее вели купцы даже из далекого Вроцлава, которые ехали «к краям людей Татарии» [114, s. 91 (19 июля 1417 г.)]. Крупный немецкий торговец Ульман Штромер (†1407 г.) в своей хронике, оконченной в 1400 г., демонстрирует, что в Нюрнберге хорошо знали весовые системы в далекой Татарии и их соотношение во Львове: «Алатана (Alatana = a la Tana = в Тане). Мера веса в Латане – кантар, который в Лемберге (Львове) составляет 4 камня с четвертью, а в Нюрнберге 1 кантар равен 1 центнеру без 4 ½ либр, и там продают на марки, что составляет 5 гульденов» [134, s. 103]⁷.

Между купцами Львова и Кракова периодически возникали трения, т.к. первые старались закрепить монополию на право восточной торговли. В 1403 г. они добились от короля установления «права склада» для всех купцов, желающих торговать с «Татарией» [49, s. 148–149], дорога в кото-

⁶ Перевод со старонемецкого Сергея Полехова (г. Москва).

⁷ Перевод со старонемецкого Сергея Полехова (г. Москва).

рую вела «через Подолье и Каменец» [97, № 104, s. 146]. Грамота Александра I от 1408 г. также свидетельствует о торговле с «Татарьской стороной» сухопутным путем через Тягиню (Тягянкяч) [51, № *II, s. 205–206; 30, № 2 (210), с. 519–521]. Лишь противоборство в самой Орде стало препятствием к развитию этого пути. В 1421 г., войдя в положение львовских армян, которые из-за войны между самими татарами не могли вести с ними торговлю, Ягайло дал им право торговать по всему своему королевству [53, s. 532; 142, s. 85].

Фрагмент Каталонского атласа Авраама и Иехуды Крескес с изображением побережья между Днепро-Бугским и Днестровским лиманами. 1375 г.

Имея свободный доступ в Килию и, прежде всего, в Белгород, Польское королевство, видимо, не особо нуждалось в поддержании торговли восточными товарами через ставшие опасными сухопутные артерии Подолья. Собственно, одной из причин роста значения «молдавского торгового пути» через Белгород стала безопасность передвижения купеческих караванов в результате вытеснения татар на Левобережье Днестра. Это не повредило польской торговле. В привилегии короля Владислава III для г. Львова от 16 июля 1444 г. упоминаются «итальянские купцы и любые другие, поганые или христиане, из приморских краев» [50, № 104, s. 134; 30, № 31, с. 91]. Некоторые проблемы начались лишь в 1448 г., когда молдавский господарь Петру II отдал Килию недружественному полякам Янку Хуньяди и в ее замке появился венгерский гарнизон [33, с. 59, 62, 68, 106], но вызваны они были не торговыми интересами, а стратегическим для всего региона положением килийского порта. Эти события, как и последующие усилия Польского королевства относительно возвращения Килии под контроль Молдавии до захвата ее Штефаном Великим в 1465 г., исследованы Петре Панаитеску [118, p. 103–107].

Таким образом, никакого королевского порта, пригодного для приема товаров с морских судов в Качубееве не было. Откуда в таком случае могло появиться убеждение о его существовании?

Одесский залив был издавна известен итальянским мореходам, что подтверждают многочисленные портоланы с отметкой «*flor de lis*» и «*zinestra*» в данном месте [7, с. 358–369; Ср.: 41, с. 52–53]. Расположенный совсем рядом с таким крупным торговым центром, как Белгород, он должен был стать удобным местом для стоянки судов, их починки, пополнения запасов пресной воды, набора соли и т.п. Более того, суда заходили в Хаджибейский и, наверное, Куяльницкий лиманы пока те не были отгорожены от моря пересыпью. Это подтверждают находки в Хаджибейском лимане средневековых якорей весом до 40 пудов [4, с. 163, прим]. В их числе один из Лиманского района Одесской обл. в 4–5 милях от моря, датированный XIII в. [24, с. 28; 1, с. 23–24]. Естественно, что между местным кочевым населением и экипажами кораблей во время стоянок был налажен какой-то товарообмен. По всей видимости, он продолжался и в дальнейшем, а отголоски этой деятельности и были причиной стойких слухов о некогда существовании в этом месте порта, через который осуществлялась морская торговля.

Полное солнечное затмение

Известие о полном солнечном затмении зафиксировано в двух синхронных источниках: Хронике Сигизмунда Росича (Рожича) из Вроцлава (†1471) и Слуцкой, или близкой к ней летописи (ок. 1446 г.).

Сигизмунд Росич

Затмение солнца в пятницу. В тот же год 1415 после октавы Божьего Тела около 12 часа было полное затмение солнца, когда появился молодой месяц, продолжавшееся около половины часа и **вызваше страх и тревогу** у многих людей [126, р. 44]⁸.

Слуцкая летопись

В лето 6923 (1415). Месяца июня 7 на святого Федота изгибе солнце и скрыи луча своя от земля во 4 час дни в год святой обедни, **и звезды явились как в нощи** [29, с. 73]⁹. Тогда было Благовещение у понедельок на страстной недели.

Ян Длугош

Когда [Ягайло] из Кобрина ехал в Мыто, в пятницу после октавы Божьего Тела, в час священнических молитв, называемых терция, случилось великое затмение солнца, которое, как неожиданное, короля и всех, кто с ним ехал, **в большое удивление, а потом и в религиозный страх обратило**. Такими темными были сумерки, что птицы, испуганные неожиданной темнотой, упали на землю, **а звезды светили, как ночью** [88, р. 55].

В 1415 г. Пасха пришлась на 31 марта, а Благовещение – на понедельник 25 марта, что и отметил составитель Слуцкой летописи. Однако, день святого Федота, а точнее мученика Феодора Галатийского, Православная церковь отмечает не 7, а 6 июня. «4 час дни» указан по церковному исчислению времени суток, когда обедню служат в 3 часа дня, т.е. в девятом часу утра, и в 6 часов дня, т.е. в двенадцатом часу утра. Таким образом, «4 час» приходился на десять часов утра. Вряд ли можно все-ррез предположить, что писец, сделавший в летописи запись о времени затмения, совершил его математическое вычисление. Для человека средневековья событие, произошедшее во время церковной службы второй обедни запомнить более вероятно, чем час времени. Судя по всему, он был очевидцем этого события.

Что касается «октавы Божьего Тела», то католический праздник Corpus Christi в 1415 г. пришелся на четверг 30 мая, но праздновали его целую неделю. Пятница 7 июня было днем после окончания праздника, как и указал Сигизмунд Росич. Расчеты Теодора Оппользера подтверждают дату и время полного солнечного затмения, случившегося в пятницу 7 июня 1415 г. [117, s. 250, Blatt № 125].

Таким образом, верная фактическая датировка Яном Длугошем этого астрономического явления, сомнения не вызывает. Он использовал для этого католический праздник, что вполне понятно для католического клирика, каковым он был. Однако, судя по указанному времени затмения, совпадению концовок повествования и описанию реакции людей, польский хронист воспользовался обоими источниками [119, s. 192. Ср.: 28, с. 230].

Встреча Ягайла с Витовтом

Согласно Длугоша, Витовт встретил Ягайла не сам, а вместе с «ливонским магистром». В это время магистром был Дитрих фон Торк (ок. 1413 – 17 августа 1415 г.), но в Литву он не приезжал. Вместо него был комтур пограничного Дюнабурга (г. Даугавпилс, Латвия) Иоганн Швартхоф. Его присутствие в Медниках 4 июля 1415 г. подтверждено документально [60, № 639, р. 321–322], и, по всей видимости, он действительно имел встречу с королем.

Донин, или Дунин из Скшинна персонаж исторический, и в 1412–1418 гг. он действительно был подканцлером [135, № 618, s. 106]. Но, несмотря на столь важную должность, происхождение Донина окончательно не выяснено, как осталось неизвестным Длугошу даже его имя: Доминик или Анджей [99, s. 63–68]. Из королевских счетов известно, что в марте и в августе 1415 г. он сопровождал Ягайла. Поскольку Донин был доверенным лицом короля в делах с Орденом, представитель ко-

⁸ *Eclipsis solis feria sexta. Eodem anno 1415 post octava corporis Christi hora duodecima circa incensionem lune (в других списках Junii и Julii) fuit eclipsis totalis solis, que stetit circa medias horam fuitque terror et metus (motus) multis hominibus.*

⁹ Об использовании Длугошем литовско-русских летописей см.: [123, s. 256–267; 127, s. 54–55; 121, s. 28].

того как раз гостил у Витовта, можно думать, что он сопровождал своего монарха и в Литву [122, р. 460, 461, 469, 471].

На этом можно закончить рассмотрение интересующего нас сюжета в описании Яна Длугоша и перейти к проблеме нестыкровок в его тексте.

Особенности историописания Яна Длугоша

Понять почему у Длугоша нестыковки и противоречия в описании событий 1415 г. возможно лишь зная особенности писания хронистом своего труда [128; 74]. Установлено, что тематически «История Польши» делится на четыре части: I) от древних времен до 1339 г.; II) 1339–1406 гг.; III) 1406–1444 гг.; IV) 1444–1480 гг. Первой была написана часть III. Время ее создания датируют периодом до 1458 г. Второй – часть IV, созданная ок. 1461 г. Часть I закончена до 1464 г., а II – около 1464 г. Это относится к основному тексту, в целом законченному до 1466 г., хотя правки в него Длугош вносил до конца жизни. Автограф Длугоша доведен лишь до 1406 г. Если о методе отбора и редакции информации самим Длугошем в изложении до 1406 г. мы можем судить по его автографу, то дальнейшие события дошли до нас в записях не его рукой¹⁰, и неизвестно точно сколько раз они редактировались, на основе каких источников, кем и как именно. Исследователи выделяют не менее четырнадцати различных редакторских этапов, последний из которых кто-то осуществил в конце 80-х – начало 90-х гг. XVI в. уже после смерти Длугоша [44, с. 23–30]!

О происхождении многих известных хрониста за интересующий нас период судить сложно [119, с. 179–195]. Для нас же важным являются не только источники Длугоша, но и особенность его историописания. Суммируя общий вывод исследователей можно сказать следующее: 1) все описания действий правителей Польши и Европы у Длугоша подчинены примату позднесредневекового идеала христианского монарха и интересов Польского королевства, которое всегда и везде у него стоит на первом месте [96, с. 119–123]. 2) когда по какой-то причине ему не доставало источников, он излагал свою версию событий, описывая их так, как они должны были произойти согласно его представлениям в соответствии с ментальными и патриотическими установками [111, с. 51]. 3) желание прославить Родину часто заставляло Длугоша разминуться с источником и следовать путем интерпретации, которая не находит подтверждения. Следует отметить и его склонность к драматизации событий, созданию нарратива, притягивающего внимание читателя. 4) эти факторы уводили хрониста из историографической реляции на литературную фикцию [103, с. 14].

Для иллюстрации приведем один характерный и перекликающийся с нашим случаем пример визита кипрского короля Петра I в Польское королевство, запись о котором в Автографе Длугоша без всякого сомнения принадлежит самому хронисту.

Согласно Длугоша, в 1363 г. король Казимир III взял на себя все хлопоты в организации свадьбы своей внучки Элжбеты, дочери слупского князя Богуслава, с римским императором и чешским королем Карлом IV, и постановил выдать ее замуж с большой пышностью. Он пригласил на свадьбу королей венгерского Людовика I, датского Сигизмунда и кипрского Петра I, а также князей баварского Оттона V, мазовецкого Земовита, свидницкого Болеслава, опольского Владислава и иных. Хронист описал путь короля Петра I: *«кипрский король по Черному морю добрался до Молдавской земли (sic!), потом ехал [в Краков] по суше через Молдавию и Русь»*. Далее идет описание пути датского короля к князю Богуславу, откуда они вместе с ним и его дочкой приехали в Краков, обеспеченные в дороге затратами опять-таки Казимира III. Людовика I и Карла IV в дороге встретили и снабжали польские старосты по распоряжению своего короля. Далее следует красочное описание встречи венгерского, польского, датского и кипрского королей с римским императором Карлом IV. Сам Карл IV, которому сообщили о приближении королей, значительную часть пути на встречу им в сопровождении своих князей и баронов прошел пешком. Узнав об этом, короли также сошли с коней и отправились к нему на встречу пешком. При встрече в присутствии посла римской курии все обнимались, обливаясь слезами радости. Далее следует красочная картина приезда монархов в Краков и их торжественная встреча горожанами. Казимир III всех разместил на постой в пышных апартаментах, назначив для обслуживания каждого из гостей специальных людей из польской знати. Гости старательно обхаживали много дней, а на краковском рынке всем желающим раздавали еду и наливали вино. После свадьбы несколько дней были рыцарские турниры, где Казимир III щедро награждал победителей. Краковский глава Вешинек пригласил в свой дом пятерых королей и рассадил их, отдав наиболее

¹⁰ С автографом Длугоша и наиболее ранними рукописными списками его «Истории Польши» можно ознакомиться на сайте [145].

почетное место Казимиру III. Второе место досталось римскому императору, третье занял венгерский король, четвертое – кипрский и последнее досталось датскому. Беседы и пиры продолжались двадцать дней. Короли утвердили между собой союзы, после чего разъехались в сопровождении польских старост.

Этот эпизод уже был предметом научной критики [127, s. 374–375], потому нам останется только дополнить уже известные исследователям творчества Длугоша факты.

1. Брак королевской внучки Элжбеты состоялся в 1363 г., о чем сообщает Рочник свентокшишский [124, p. 80], откуда эту информация почерпнул Длугош. На этом совпадения источника и реальных событий заканчиваются. Следуя за Рочником, где указаны присутствовавшие на свадьбе «*Людвик Венгерский, Казимир Польский, Венцеслав Богемский, король из Кипра, Сигизмунд из Дании*» и князя «*Оттон из Баварии, Болко из Свидницы, Владислав из Ополя, Земовит из Мазовии*», Длугош принял: 1) дату свадьбы 30 января, из-за чего помещает это событие в начале 1363 г., хотя венчание произошло в двадцатых числах мая [140, s. 3–6]; 2) ошибочный перечень участников, называя датского короля Сигизмундом в то время, как им был Вальдемар IV Аттердаг. При этом он весьма скудную информацию источника дополняет собственным красочным описанием событий.

2. Из числа гостей на свадьбе совершенно точно можно исключить Людовика I Венгерского, Вальдемара IV Датского, Петра I Кипрского, Оттона V Баварского [140, s. 8].

3. Кипрский король Петр I в 1363 г. не мог по Черному морю высадиться именно в Молдавии поскольку в то время междуречье Прута и Днестра еще было под контролем татар, а молдавские господа расширили свою власть до морского побережья не ранее 80-х гг. XIV в. Петр I не мог приехать в Краков из Молдавии поскольку 24 октября 1362 г. из Кипра он отплыл в Италию и следующие два года кружил по Западной Европе в надежде заинтересовать ее монархов очередным крестовым походом. Лишь в сентябре 1364 г. он прибыл в Польшу из Праги, но не на свадьбу, а на съезд монархов [109, p. 40–42; 86, s. 90–92].

4. Причиной съезда был конфликт между римским императором Карлом IV и венгерским королем Людовиком I. Обстоятельства конфликта, получившего название «Война за честь женщины» [130], и съезда в Кракове хорошо известны [102, s. 52–61; 138; 79; 131]. В общих чертах дело было так. В 1361 г. римский император оскорбил мать венгерского короля Элжбету Локетковну, сестру Казимира III. Летом 1362 г. между сторонами едва не дошло до войны, но они заключили перемирие. В начале 1363 г. папа Урбан V выступил посредником между ними и в мае перемирие было продолжено, а арбитрами выбрали Казимира III и князя свидницкого Болеслава. Мир был подписан в феврале 1364 г., а в сентябре стороны собрались в Кракове для его ратификации.

5. Соединить два разных события в одно, где первое было причиной, а о втором хронист вообще умолчал, Длугоша, видимо, заставила хроника Яна из Чарнкова, который ошибочно указал на проведение съезда в 1363 г. [87, p. 630–631].

Анализируя сообщение Длугоша о событиях 1363 г., можно убедиться в том, что изложенное им либо не происходило вовсе, либо происходило, но не так, как он описал, не с теми персонажами или в иное время. Зная лишь лаконичные сообщения из Рочника свентокшишского и хроники Яна из Чарнкова, и не располагая никакими другими для описания свадьбы внучки Казимира III, все детали встречи королей, их быт и т.д. хронист додумал сам, согласно собственных идеалистических представлений о том, как это должно было произойти. Цель этого прослеживается во всех книгах Длугоша – глорификация Польского королевства! Кроме того, относительно Молдавии хронист перенес знакомые ему реалии XV в. на ситуацию 1363 г. В этом убеждает описание хронистом знакомого ему посольства кипрского короля Иоанна (Жан) II к Ягайлу: в 1432 г. посол Балдуин де Норис с двумястами сопровождающими, цифра явно преувеличена, пересек на корабле Черное море, высадился в молдавском Белгороде, где, закупив лошадей, через Молдавию прибыл «*в Русь и Польшу*» (in Russiam et Poloniam) [89, p. 477].

Зная особенности историописания Длугошем своего труда, можно понять, почему из-под его пера картина снятинской «присяги» молдавского господаря Александра I Доброго королю Ягайлу, где тот, как положено правителю великого королевства, непременно восседает на троне и обязательно с короной на голове, вышла такой, как будто записана со слов очевидца. Отсюда же исходит идеалистическое описание хронистом приема вассалом Витовтом своего сюзерена Ягайла, когда он точно называет подаренную королю невероятную сумму денег, количество дорогих шуб и лошадей, но при этом не знает имени такого важного лица, как подканцлер Донин. Точно также, исходя из своих идеологических установок, Длугош не допускал мысли, что «послы» византийского императора и

Константинопольского патриарха могли явиться к королю Польского королевства без каких-либо сопроводительных документов, скрепленных, как это было заведено в Римской курии, при дворах монархов и высоких духовных особ вислыми печатями – буллами. Что касается хлеба для «притесняемой» османами Византии, то в представлении хрониста, который главную свою задачу видел в прославлении деяний Польского королевства, пожалованная милостивым польским королем «помощь» не могла быть отгружена не из польского порта, на роль которого в Черном море подходило только урочище Качубеев, о котором во время жизни Длугоша ходили слухи, что когда-то в нем была морская торговля.

Выводы

Подводя черту под критическим разбором изложения Длугошем событий первой половины 1415 г. и суммируя сведения, которые он знал / не знал, о чем догадывался и что дописал от себя необходимо сказать следующее:

1. Нет сомнений в том, что весной-летом 1415 г. Ягайло совершил объезд ряда своих восточных владений. Его пребывание во Львове (24 марта – 3 апреля), в Сяноке (18–19 апреля), в Медыке (28 апреля), в Снятине (21 мая), в Турийске (3 июня), Медниках (2 июля) подтверждают независимые от Длугоша источники.

2. Приезд Александра I Доброго в мае 1415 г. в Снятин и его присяга не имеет подтверждения в независимых от Длугоша источниках. Он ошибочно отнес присягу молдавского господаря в 1411 г., или в 1419 г., к приезду Ягайло в Снятин в 1415 г., вероятно, опираясь на совпадение числа и месяца двух разных событий.

3. а) Длугош не знал о времени и месте встречи Дисипата и Гавриила с Ягайло, а также не имел никаких сведений об их полномочиях и цели встречи с королем. Привязка им прибытия «послов» в Снятин ко времени «присяги» Александра I Доброго не состоятельна;

б) встреча Ягайло с Дисипатом и Гавриилом состоялась не в прикарпатском Снятине в мае, а на территории современных Литвы или Беларуси в июне или июле. Информация о «свинцовых печатях» взята хронистом, вероятно, по примеру папских посланий и изложена согласно его представлениям о церемониале;

в) Длугош не имел сведений о состоянии Византии в 1415 г. и о дружественных отношениях византийского императора с османским султаном в 1413–1416 гг., когда никаких притеснений и нужды в хлебе византийцы не испытывали;

г) «прошение послов» о помощи Византии зерном приспособлено хронистом к «аудиенции» у короля согласно знакомых ему реалий конца существования Византийской империи;

д) представления хрониста, который почти до самой своей смерти ни разу не был в восточных землях Польского королевства, о возможностях оказания помощи зерном не состоятельны и не находят подтверждения в источниках;

е) существование «*королевского порта Качубеев*» (уже в 1415 г.) не подтверждается.

4. Указание Длугошем маршрута поездки короля от Снятина до Литвы, видимо, частично основано на ошибочных сведениях. Если «*Nyeswyedz*» это действительно г. Несвиж, а «*Raysko*» – с. Райца, то их посещение королем, вероятно, имело место либо во время его пребывания в Литве, либо во время возвращения в Польшу.

5. Факт полного солнечного затмения 7 июня 1415 г. сомнения не вызывает, т.к. он подтвержден независимыми источниками, но «детали» этого события Длугош творчески доработал эффектными «подробностями» сам.

6. Длугош знал только об одной встрече Ягайло и Витовта в то время, как их, несомненно, было две, и имел сведения о встрече короля с представителем Ливонского Ордена, но ошибочно считал, что это был его магистр.

Совокупность этих факторов ставит под сомнение утверждение авторов критического разбора текста Длугоша о возможности использования им путевых записей кого-то из королевской канцелярии [125, s. 159–160], из которых он мог черпать сведения для описания событий и составления итинерария Ягайло за 1415 г. В общем и целом, нужно сказать, что о событиях 1415 г. хронист имел довольно поверхностное представление. Что касается информации о «*королевском порте Качубеев*», то это не сознательная фальшивка Длугоша, а особенность его историописания, либо же лица / лиц, проводивших редакцию текста «Истории Польши» после смерти хрониста и разделявших его идеологические установки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 402 заседание императорского Одесского Общества истории и древностей // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 29. Одесса, 1911. С. 23–27.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том I. 1340–1506. Санкт-Петербург: В типографии II отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1846. iv + 375 + 24 + 15 с.
3. Білецька О. Качибей у світлі джерел XV–XVI століть (матеріали до вивчення історичної топографії Поділля та Північного Причорномор'я) // Записки історичного факультету. Випуск 26. Присвячується 150-річчю Одеського національного університету імені І.І. Мечникова. Одеса: ОНУ, 2015. С. 233–258.
4. Брун Ф. Судьбы местности занимаемой Одессой // Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Часть I. Одесса: В типографии Г. Ульриха, 1879. С. 160–188.
5. Голубинский Е. История Русской церкви. Период второй, Московский. Т. II, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Университетская типография, 1900. viii + 917 с.
6. Горбачевский Н. Археографический календарь на две тысячи лет (325–2324) по юлианскому счислению и на семьсот сорок два года (1538–2324) по григорианском счислению. Вильна: В типографии А.Г. Сыркина, 1869. ix + 110 с.
7. Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портланах XIV–XVII веков. 2-издание (дополненное). Том I. Киев, 2017. 425 с.
8. Грушевський М. Опис подільських замків 1494 р. // Записки Науково товариства імені Шевченка. Т. VII. Книга 3. Львів, 1895. С. 1–18.
9. Грушевський М. Опис Львівського замку р. 1495 // Записки Науково товариства імені Шевченка. Т. XII. Книга 4. Львів, 1896. Miscellanea. С. 1–12.
10. Грушевський М. Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західної України. Серія перша (1361–1530), ч. 1–43 // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 63. Книга I. Львів, 1905. С. i–v, 1–46.
11. Грушевський М.С. Студії з економічної історії України // Твори у 50 томах. Том 8. Серія Історичні студії та розвідки (1906–1916). Львів: Видавництво «Світ», 2007. С. 13–75.
12. Гулевич В.П. Татары в кругу высокой европейской политики на церковном соборе в Констанце // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. Вып. 10. Минск: РИВШ, 2017. С. 60–75.
13. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
14. Карпов С.П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М.: Издательство Московского университета, 1991. С. 82–97.
15. Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 158 с.
16. Карпов С. Средневековый Понт. Lewinston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. IX, 461 с. (Российские исследования по мировой истории и культуре. Т. 15)
17. Красножон А. Разоблачение «фальшивки Длугоша» в современном дискурсе о Качубееве // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Выпуск 20. Одесса: «Печатный дом», 2016. С. 77–99.
18. Красножон А.В. Фортеці та міста Північно-Західного Причорномор'я (XV–XVIII ст.) / за ред. А.В. Федорука. Одеса: Чорномор'я, 2018. 312 с.: 206 іл.
19. Литовська Метрика. Книга 561. Ревізії українських замків 1545 року / Підготував В. Кравченко. Наукове товариство ім. Шевченка в Америці; Наукове товариство ім. Шевченка в Україні; НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Київ: ТзОВ «Простір М», 2005. 598 с.
20. Луговий О.М. Візантійські послы у Снятині // Стародавнє Причорномор'я. Випуск XII. Одеса: ОНУ, 2018. С. 332–339.
21. Луговой О.М. Григорий Цамблак и первое упоминание о Хаджибее // В поисках сущности: Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева / Ун-т высшая антропологическая школа; сост. и отв. ред.: М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов; науч. рецензенты: В.Н. Поливцев, В.П. Тельнов; обл.: Д.А. Топал. Кишинэу: Stratum Plus, 2019. С. 341–348.
22. Медведев И.П. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. Москва, 1976. С. 255–262.
23. Петров А. Древнейшие грамоты по истории Карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г. Praha: Tiskem České grafické unie A.S. v Praze, 1930. Регестры грамот о князе Федоре Кориатовиче в Угрии. xix + 231 с.

24. Позивай Т. Пам'ятки золотоординського часу на території сучасної Одещини (матеріали до археологічної карти) // Наукові записки [Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка]. Серія: Історичні науки. Вип. 14. Кіровоград, 2011. С. 24–34.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 5: VI. Псковские и Софийские летописи. Санкт-Петербург: В типографии Эдуарда Праца, 1851. vi + 277 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 11: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1897. vii + 254 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Санкт-Петербург: В типографии Леонида Демиса, 1863. vii с. + 504 стб.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Первая половина: Львовская летопись. Часть первая. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова, 1910. iv + 418 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. Москва: Издательство «Наука», 1980. 305 с.
30. Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.). 2-е виправлене видання (електронний варіант) / Упорядн. М. Капраль; Наук. ред.: Я. Дашкевич, Р. Шуст. Львівське відділення Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України; Львівський національний університет ім. І. Франка. Львів, 2010. 544 с. – (Львівські історичні пам'ятки. Т. I).
31. Русская историческая библиотека издаваемая Археографической Комиссией. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Часть первая: Памятники древне-русского канонического права. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1880. iv с. + xx стб. + 930 стб. + 316 стб. + 70 стб.
32. Скржинская Е.Ч. Вводные очерки // Барбаро и Конгарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Ленинград: Издательство «Наука», 1971. С. 5–107.
33. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул, ответ. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1976. 152 с.
34. Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Издательство «Наука», 1969. 374 с.
35. Третяк А.И. Коцюбиев, или История фальшивки // Дерибасовская–Ришельевская: Одесский альманах. Т. 52. Одесса, 2013. С. 25–53.
36. Турилов А.А. К истории поздневизантийской церковной иерархии (по данным славянских источников конца XIV – середины XV вв.) // Сборник радова Византолошког института. Београд, 2013. Кн. 50/2 (Melanges Ljubomir Maksimovic. Vol. 2). С. 779–785.
37. Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. М.: В университетской типографии, 1887. vii + 244 с.
38. Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л.В. Литвинова. М.: Мысль, 1997. 829, [2] с.
39. Флоря Б.Н. Самосознание польской народности в XV веке // Этническое самосознание славян в XV веке. М.: Наука, 1995. С. 38–77.
40. Флоря Б.Н. Исследование по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. 528 с.
41. Фоменко И.К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII–XVII вв. // Причерноморье в средние века. Вып. 5. Санкт-Петербург, 2001. С. 40–107.
42. Хожение инока Зосимы 1419–1422 // Православный Палестинский сборник. Том VIII. Выпуск третий. Санкт-Петербург, 1889. xxvi + 41 с.
43. Шпилевский П. Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году // Журнал Министерства народного просвещения. Часть LXVIII. Санкт-Петербург: В типографии императорской Академии Наук, 1850. Отдел II. С. 91–122.
44. Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.
45. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. В двух томах. Том II. Новгородские печати XIII–XV вв. М.: Издательство «Наука», 1970. 377 с., 109 табл.
46. Abrahamowicz Z. Katalog dokumentów tureckich do dziejów Polski i krajów ościennych w latach 1455–1672 / Pod. red. A. Zajączkowskiego. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1959. 362 s.
47. Acta Consilii Constanciensis. Zweiter Band: Konzilstagenbücher, Sermones, Reformund Verfassungsakten / Herausgegeben in Verbindung mit Johannes Hollnsteiner von Heinrich Finke. Münster: Druck und Verlag der Regensbergschen Buchhandlung, 1923. vi + 770 s.
48. Acta Concilii Constanciensis. Dritter Band: Die drei Päpste und das Konzil, Schriften zur Papstwahl / Herausgegeben in Verbindung mit J. Hollnsteiner und H. Heimpel von Heinrich Finke. Münster: Druck und Verlag der Regensbergschen Buchhandlung, 1926. 671 s.
49. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. T. III. Lwów: W drukarni narodowej W. Manieckiego, 1872. vii + 313 s.

50. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. T. V. Lwów: W drukarni narodowej W. Manieckiego, 1875. vi + 293 s.
51. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. T. VII. Lwów: W drukarni narodowej W. Manieckiego, 1878. vi + 326 s.
52. Andriopoulou S. Diplomatic communication between Byzantium and the West under The late Palaiologoi (1354–1453). A thesis submitted to The University of Birmingham for the degree of doctor of philosophy. Centre for Byzantine, Ottoman and Modern Greek Studies Institute of Archaeology and Antiquity College of Arts and Law The University of Birmingham March 2010. Birmingham, 2010. 433 p.
53. Badecki K. Zaginione księgi średniowiecznego Lwowa // Kwartalnik Historyczny. R. 41. Lwów, 1927. S. 519–579.
54. Balard M. La Romanie Genoise (XIIe – début du XVe siècle). T. I–II // Atti della Societa Ligure di storia Patria. Nuova Serie. Vol. XVIII (XCII). Fasc. I–II. Genova: Nella sede della Societa Ligure di storia Patria, 1978. 1008 p.
55. Balard M. Gênes et la mer. Genova e il mare. Vol 1–2 / Quaderni della Societa Ligure di Storia Patria. 3. Collana diretta da Carlo Bitossi. Genova: Societa Ligure di Storia Patria, 2017. 1058 p.
56. Basso E. Genova: un imperio sul mare. Genova: Pantograf, 1994. 343 p.
57. Bobrzyński M., Smolka S. Jan Długosz, jego życie i stanowisko w piśmiennictwie / Ed. K. hr. Przewdziecki. Kraków: Główny skład księgarni Spółki wydawniczej polskiej, 1893. vii + 336 s.
58. Brătianu G.I. Marea Neagră. De la origini pînă la cucerirea otomană. Ediție îngrijită, studiu introductiv și indice de V. Spinei. Iași: Editura Polirom, 1999. 504 p.
59. Ciocîltan V. The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden-Boston: Brill, 2012. IX, 321 p., maps.
60. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. 1376–1430 / Coll. opera A. Prochaska // Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. VI. Kraków: Typis Vlad. L. Anczyz et Comp., 1882. cxvi + 1113 p.
61. Concilium Florencium. Documenta et scriptores. Vol. XI. Acta slavonica. Roma: Pontificum institutum orientalium studiorum, 1976. xvi + 170 p.
62. Costăchescu M. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Vol. II. Documente interne. Urice (Ispisoace), Surețe, Regeste, Traduceri 1438–1456. Documente externe. Acte de inprumut, de omagiu, tractate, solii, privilegii, comerciale, salveconducte, scritori 1387–1458. Iași: «Viața Românească» S.A., 1932. xxv + 955 p.
63. Czamańska I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań: Wydawnictwo naukowe uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1996. 369 p.: tabl.
64. Dąbkowski P. Stosunki gospodarcze Ziemi Halickiej w XV wieku. Lwów: Nakładem redakcji, 1927. 59 s.
65. Deutsche Reichstagsakten König Albrecht II. Erste Abteilung. Zweite Hälfte. 1438 / Hrsg. von G. Beckmann. Gotha: Friedrich Andreas Perthes Aktiengesellschaft, 1916. S. 377–922.
66. Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. Zweiter Band: Peter von Wormditt (1403–1419) / Bearbeit von Hans Koeppen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht in Göttingen, 1960. 675 s.
67. Dogiel M. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae in quo pacta, foedera, tractatus pacis, mvtvae amicitiae, subsidiorum, indvciarvm, commerciorvm... T. 1. Pars I. Vilnae: Ex Typografia Regia, et Reipvblicae, Collegii Scholarvm Piarvm, 1758. lxiii + 623 p.
68. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen reiches von 565–1453. 5. teil (Schluss) Regesten von 1341–1453 unter verantwortlicher Mitarbeit von Peter Wirth. München und Berlin: Verlag C.H. Beck, 1965. xxxii + 138 s.
69. Drabina J. Papiestwo – Polska w latach 1384–1434. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003. 189 s.
70. Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / Ex recensione B. Grecu. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1958. 503 p.
71. Dudka M. Dyplomaci Władysława Jagiełły w Stolicy apostolskiej // Nasza Przeszłość. T. 128. 2017. S. 5–39.
72. Du Cange C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. T. 1. Niort: L. Favre, Imprimeur-Éditeur, 1883. lxxv + 802 p.
73. Dvořáková D. Rytier a jeho král'. Stibor zo Stiboric a Žigmund Luxemburský. Sonda do života stredovekého uhorského šľachtica, s osobitným zreteľom na územie Slovenska. Bratislava: Vydavateľ'stvo RAK, 2003. 527 s.
74. Dymmel P. Tradycja rękopiśmienna Roczników Jana Długosza: studium analityczne ksiąg X–XII. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 339, [1] s.
75. Elemér M. Zsigmondkori oklevéltár II. (1400–1410): Második rész (1407–1410) / Magyar Országos Levéltár kiadványai, II. Forráskiadványok 4. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1958. vi + 630 Old.
76. Garbacik J. Zygmunt Luksemburczyk wobec Wielkiej Wojny polsko-krzyżackiej // Małopolskie Studia Historyczne. T. 3. Zesz. 1/2. 1960. S. 15–36.
77. Gawlas S. Świadomość narodowa Jana Długosza // Studia Źródłoznawcze. XXVII. 1983. S. 3–66.

78. Gaşiorowski A. *Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434*. Wydanie drugie, poprawione i uzupełnione. Warszawa: Instytut historii PAN, 2015. 172 s.
79. Grodecki R. *Kongres krakowski w roku 1364*. Wyd. 2. Kraków: Universitas, 1995. 105 s.
80. Halecki O. *La Pologne et l'empire Byzantin // Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines*. Tome VII. Fascicule I. Bruxelles, 1932. P. 41–67.
81. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au moyen-âge*. T. 1–2. Leipzig: Otto Harrassowitz, libraire-éditeur, 1885–1886. XVIII, 554 p., 799 p.
82. Hryszko R. *Z Genui nad Morze Czarne. Z kart genueńskiej obecności gospodarczej na północno-zachodnich wybrzeżach Morza Czarnego u schyłku średniowiecza*. Kraków: Historica Iagiellonica, 2004. 329 s.
83. Hurmuzaki E. *Documente privitoare la Istoria Românilor*. Vol. 1. Partea 2. 1346–1450. Culese, adnotate și publicate. București: Publicate sub auspiciile Academiei Române și ale Ministeriului Cultelor și Instrucțiunii publice, 1890. xlvii + 889 p., VI tabl.
84. Jarmolik W. *Obsługa komunikacyjna posłów litewskich w późnym średniowieczu // Miasto. Region. Społeczeństwo. Studia ofiarowane Profesorowi Andrzejowi Wyrobiszowi w sześćdziesiątą rocznicę Jego urodzin*. Białystok: Dział Wydawnictw Filii Uniwersytetu Warszawskiego w Białymstoku, 1992. S. 189–197.
85. Jehan de Wavrin. *La Croisade sur le Danube / Traduit du moyen français et présenté par Joana Barreto*. Toulouse: Anacharsis, 2019. 175 p.
86. Jireček K. *Guillaume de Machaut, sekretář krále Jana Lucemburského // Časopis musea království českého*. R. 52. 1878. S. 78–93.
87. Joannis de Czarnkow. *Chronicon Polonorum // Monumenta Poloniae historica / Pomniki dziejowe Polski*. Tom. II / Ed. A. Bielowski. Lwów: Nakładem własnym, 1872. P. 619–756.
88. Joannis Długossii. *Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*. Liber 11. 1413–1430. Varsaviae: Wydawnictwo naukowe PWN, 2000. 463 p.
89. Joannis Długossii. *Historiae Polonicae libri XII*. T. IV. Libri XI. XII. Cracoviae: Ex typographia ephemeridum «Czas», 1877. 733 p.
90. Joannis Długossii. *Historiae Polonicae libri XII*. T. V. Libri XII (XIII). Cracoviae: Ex typographia ephemeridum «Czas», 1878. 702 p.
91. Iorga N. *Actul lui Mohammed al II-lea pentru negustori din Cetatea-Albă (1456) // Revista Istorică. Anul al X-lea. № 4–6. April-Iunie. 1924*. P. 105.
92. Karpov S. *L'Impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461*. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma: Il Veltrò Editrice, 1986. 321 p.
93. Karpov S. *Venetian navigation to the Black Sea areas, 13th to 15th century // The sea in history: The medieval world = La mer dans l'histoire: Le moyen âge / Edited by Michel Balard; General editor Christian Buchet*. Woodbridge: Boydell Press, 2017. P. 465–474.
94. Kastritsis D.J. *The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden–Boston: Brill, 2007. xix + 250 p.
95. Kłoczowski J. *Jagiello i Witold wobec prawosławnych: próba ich dowartościowania w 1417 roku // Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Toruń, 1992. S. 175–179.
96. Koczarska M. *Mentalność Jana Długosza w świetle jego twórczości // Studia Źródłoznawcze*. T. 15. 1970. S. 109–140.
97. *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa. 1253–1506*. Cz. 1. Kraków: W drukarni «Czasu», 1879. lxxx + 372 s.
98. Kosman M. *Polacy o Litwinach (do połowy XVI wieku) // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. Zbiór studiów / Red. S.M. Kuczyński*. T. 3. Warszawa, 1985. S. 387–428.
99. Krzyżaniakowa J. *Kancelaria królewska Władysława Jagiełły. Studium z dziejów kultury politycznej Polski w XV wieku. Część II: Urzędnicy*. Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 1979. 202 s.
100. Krzyżaniakowa J. *Pojęcie państwa i narodu w «Rocznikach» Jana Długosza // Długossiana: studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza*. Cz. 2: Referaty i komunikaty wygłoszone na międzynarodowej sesji w Krakowie w dniach 23 i 24 października 1980 r. / red. Stanisław Gawęda. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. S. 73–83.
101. Krzyżanowski S. *Podwoły kazimierskie 1407–1432*. Kraków: Akademia Umiejętości, 1912. 74 s.
102. Kutrzeba S. *Historia rodziny Wierzyńków // Rocznik Krakowski*. T. II. 1899. S. 29–88.
103. Labuda G. *Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w «Rocznikach Krystestwa Polskiego» Jana Długosza: przyba rekonstrukcji*. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1983. 388 s.
104. Laurent V. *Les dates du patriarcat d'Euthyme II de Constantinople (26 octobre 1410 – 29 mars 1416) // Byzantinische Zeitschrift*. Volume LIV. 1961. P. 329–332.
105. *Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople*. Vol. I. Les actes des patriarches. Fasc. VII. Les registes de 1410 a 1453 sui vis des Tables generales des Fascicules I-VII / Ed. J. Darrouzes. Paris: Institut Français d'études Byzantines, 1991. viii + 196 p.

106. Liber cancellariae Stanislai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der husitischen Bewegung. Bd. I / Herausgegeben J. Caro. Wien: Buchhändler der Kaiser Akademie der Wissenschaften, 1871. 227 s.
107. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. von F.G. v. Bunge. Abteilung 1. Bd. 5: 1414–1423. Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmel, 1867. 80 + 252 + 62 p.
108. Loenertz R.-J. Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergès et les négociations pour l'union des églises grecques et latine de 1415 à 1430 // In Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. IX. Roma: Instituto storico domenicano di S. Sabina, 1939. P. 5–61.
109. Machaut G. de. La Prise d'Alexandrie ou chronique du roi Pierre Ier / ed. par L. de Mas Latrie. Geneva: Imprimerie Jules-Guillaume Fick, 1877. xxxvii + 327 p.
110. Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington: Dumbarton Oaks, 1984. xvii + 463 p., map.
111. Matuszewski J.S. Uwagi do «Rozbioru krytycznego Annalium Poloniae Jana Długosza» // Studia Źródłoznawcze. T. 26. 1981. S. 33–52.
112. Mergiali-Sahas S. Manuel Chrysoloras (ca. 1350–1415), an ideal model of a Scholar-Ambassador // Byzantine Studies / Études Byzantines, New Series. 3. 1998. P. 1–12.
113. Mergiali-Sahas S. A byzantine ambassador to the West and his office during the fourteenth and fifteenth centuries: A profile // Byzantinische Zeitschrift. Vol. 94 (2). 2001. P. 588–604.
114. Mosbach A. Przyczynki do dziejów polskich z archiwum miasta Wrocława. Poznań: Nakładem Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego, 1860. 194 s.
115. Nicol D.M. The last centuries of Byzantium, 1261–1453. Second edition. Cambridge: University press, 1993. xx + 463 p.
116. Nowak Z. Polityka północna Zygmunta Luksemburskiego do roku 1411 / Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. R. 69. Zesz. 1. Toruń, 1964. 155 s.
117. Opolzer Th. Canon der Finsternisse. Wien: aus der Kaiserlich-Königlichen Hof und Staatsdruckerei, in Commission bei K. Gerold, 1887. xxxvi + 376 s.
118. Panaitecu P.P. Legăturile moldo-polone în secolul XV și problema Chiliei // Romanoslavica. III. Bucuresti, 1958. P. 95–115.
119. Pieradzka K. Studia nad źródłami do XI i XII księgi Annales Jana Długosza, głównie w latach 1411–1480 // VIII Powszechny Zjazd historyków polskich w Krakowie 14–17 września 1958 roku. Referaty i dyskusja. T. I. Warszawa: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1960. S. 179–195.
120. Polechow S. Itinerarium wielkiego księcia litewskiego Witolda 4/5 sierpnia 1392 – 27 października 1430 // Rocznik Lituanistyczny. № 5. 2019. S. 9–120.
121. Prochaska A. Latopis Litewski. Rozbiór krytyczny. Lwów: Główny skład w księgarnie G. Gebethnera i Spółki w Krakowie, 1890. 58 s.
122. Raciones curiae Vladislai Jagiellonis et Hedvigis regum Poloniae 1388–1420 / Ed F. Piekosiński // Monumenta medii aevii historica res gestas Poloniae illustrantia. T. XV. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętości, 1896. viii + 618 s.
123. Radziszewska J. Przejątki Długosza z «Litewskiego Latopisu» // Długossiana. Studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza / Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Warszawskiego. № 65. Warszawa, 1980. S. 256–267.
124. Rocznik świętokrzyski / Ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae historica / Pomniki dziejowe Polski. Tom. III. Lwów: Z drukarni Zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1878. P. 53–87.
125. Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1385–1444. T. I / Opracowali S. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska, K. Stachowska pod kierunkiem Jana Dąbrowskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1961. xciv + 343 s.
126. Scriptorum Rerum Silesicarum. Bd. 12: Geschichtsheiber Schlesiens des XV. Jahrhunderts / Herausgegeben von Franz Wachter. Breslau: Josef Max & comp., 1883. xx + 147 s.
127. Semkowicz W. Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków: Nakładem Akademii Umiejętości, 1887. xvi + 406 s.
128. Semkowicz-Zarembina W. Powstanie i dzieje autografu Annalium Jana Długosza. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1953. 86 s., [10] tab.
129. Stachoń B. Polityka Polski wobec Turcyi i akcyi antytureckiej w wieku XV do utraty Kilii i Białogrodu (1484). Lwów: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego pod zarządem J. Filipowskiego, 1930. 199 s.
130. Szajnocha K. Wojna o cześć kobiety. Warszawa: Nakładem i drukiem M. Arcta, 1902. 77 s.
131. Szczur S. Krakowski zjazd monarchów w 1364 roku // Roczniki Historyczne. R. 64. 1998. S. 35–57.
132. Tęgowski J. Powiązania genealogiczne wojewodów mołdawskich Bogdanowiczów z domem Giedyminowiczów w XIV–XV wieku // Genealogia. Studia i materiały historyczne. Tom 3. Poznań, 1993. S. 45–66.
133. Trajdos T.M. Kościół Katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława Jagiełły (1386–1434). Tom 1. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983. 330 s.

134. Ulman Stromer. Püchel von meim geslech et und von abentewr' 1349 bis 1407 // Die Chroniken der fränkischen Städte. Nürnberg. Erster Band. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1862. S. 1–312.
135. Urzędnicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku. Spisy / Pod red. A. Gąsiorowskiego. Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1992. 220 s.
136. Wysłouch S. Posługi komunikacyjne w miastach W. Ks. Litewskiego na prawie magdeburskiem do połowy XVI w. Wilno: Nakładem Instytutu naukowo-badawczego Europy Wschodniej, 1936. 207 s.
137. Zacos G. Byzantine leads seals / Compiled and edited by John W. Nesbitt. Volume two. Nos. 1–1089. Berne: Benteli publisher, 1984. xxx + 543 p.
138. Zajączkowski S. Wilhelm de Machaut i jego wiadomości do dziejów Polski i Litwy w XIV wieku // Kwartalnik Historyczny. R. XLIII. T. 1. 1929. S. 217–228.
139. Zbiór dokumentów Małopolskich / Wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś. Część VI. Dokumenty króla Władysława Jagiełły z lat 1386–1417. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zkład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. xxxiv + 495 s.
140. Zdreńka J. Elżbeta, córka Bogusława V księcia Pomorskiego, żona cesarza Karola IV // Śląski kwartalnik historyczny Sobótka. R. XXXII. № 1. 1977. S. 1–11.
141. Zonenberg S. Źródła wykorzystane przez Jana Długosza w Chorografii do opisu ziem państwa zakonu niemieckiego // Studia Źródłoznawcze. T. 38. 2000. S. 103–110.
142. Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa. Lwów: Drukiem stawropigiańskim, 1844. 492 s.
143. http://www.postdiploma.pl/img/KROMER/pages/PL_1_420_30_0001.html (дата обращения 03.03.2021 г.).
144. https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/zespol/-/zespol/125125?_Zespol_javax.portlet.action=zmienWidok&_Zespol_nameofjsp=jednostki&_Zespol_delta=20&_Zespol_resetCur=false&_Zespol_cur=2 (дата обращения 03.03.2021 г.).
145. https://dlugosz.polona.pl/pl/rekopisy-i-edycje?fbclid=IwAR1RFu5Ffq1OeJovBOyWrXbD_ZPBGy9z4eYfS9h34CojWGN2VWZAno7Vh8 (дата обращения 03.03.2021 г.).

Сведения об авторе: Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

THE FIRST WRITTEN MENTION OF KACHUBEEV: A CRITICAL ANALYSIS

V.P. Gulevich

Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine

Research objectives: A critical analysis of the events of 1415 in the work of the Polish chronicler, Jan Długosz, “Annals or Chronicles of the Kingdom of Poland”, aimed at establishing the reliability of the first written mention of Kachubeev.

Research materials: The Latin text of the last critical edition of Jan Długosz’s work “Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae” with a description of the events of 1415, where the toponym Kachubeev is mentioned.

Results and novelty of the research: The mention of the “royal port of Kachubei” by Jan Długosz in 1415 is recognized as confirming the existence of the Kachubei settlement by most researchers. It was allegedly the center of the Tatar prince, Khachebei, who owned the surrounding territories, from which it got its name. Based on a comprehensive critical analysis of the events of 1415, carried out for the first time, it was concluded that the mention of Kachubeev in the “Annals or Chronicles of the Kingdom of Poland” by Jan Długosz was unreliable.

Keywords: Kachubeev, Jan Długosz, 1415, Jogaila, Alexander I, Vytautas, Tsamblak, Ottoman Empire, Grand Duchy of Moscow, vassal oath, Byzantine embassy, communication routes, “bullis plumbeis”, solar eclipse

About the author: Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (Kyiv, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net